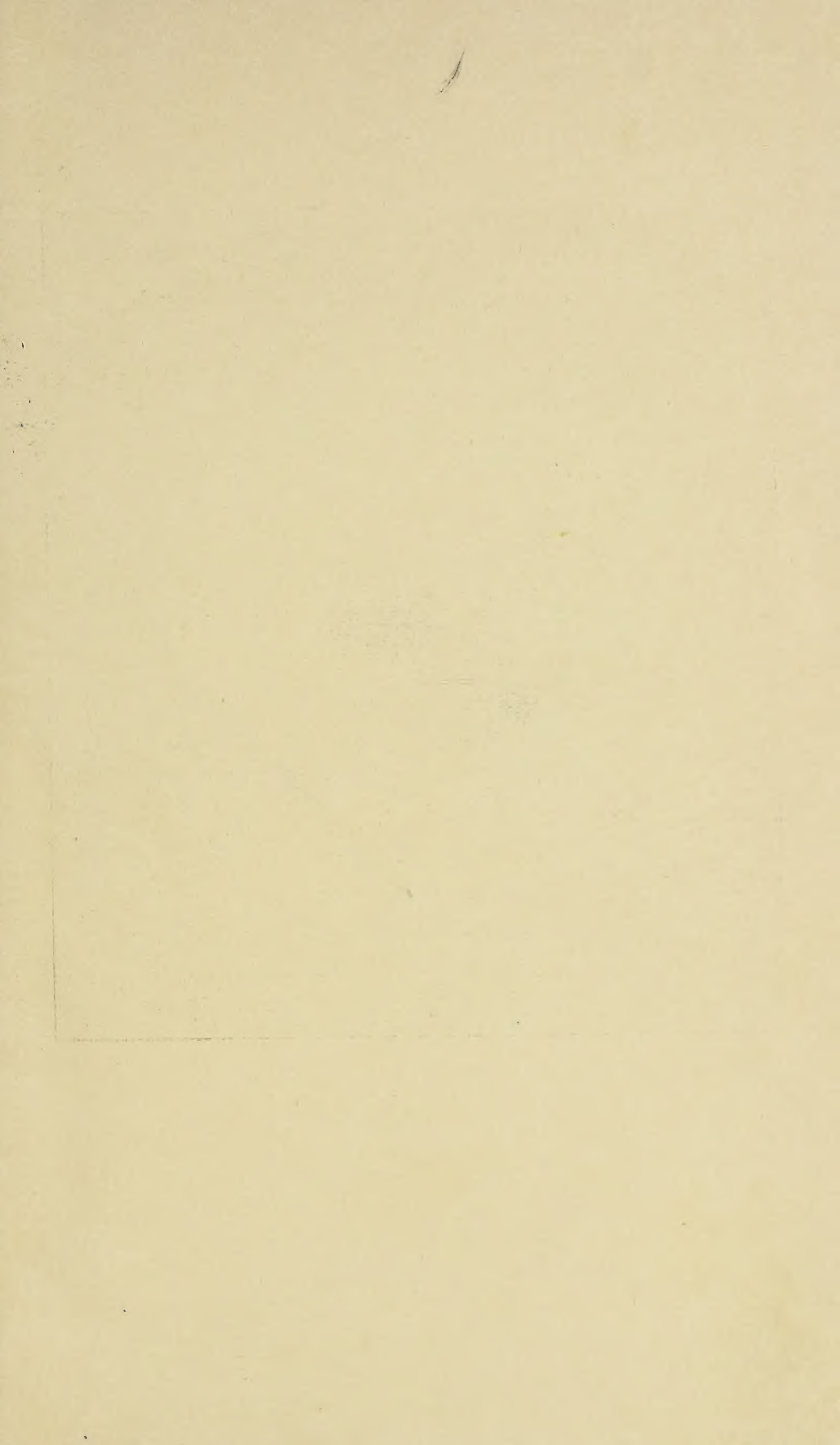
Жуковскій

для дѣтей.

V

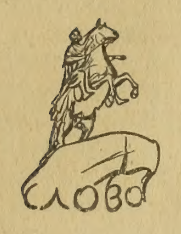
Жуковскій

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА „СЛОВА“

В. А. ЖУКОВСКІЙ

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Подъ редакціей
А. Чернаго

1 9 2 1

Printed in Germany.

В. А. Жуковскій

Въ 1802 году появилось, въ издававшемся извѣстнымъ русскимъ писателемъ и историкомъ Карамзинымъ журналѣ «Вѣстникъ Европы», стихотвореніе «Сельское кладбище». Прекрасные, звучные стихи обратили на себя общее вниманіе, и авторъ ихъ, молодой писатель Жуковскій, занялъ съ честью мѣсто одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ.

Болѣе ста лѣтъ прошло послѣ появленія этого произведенія, пришелъ великій Пушкинъ со своими безсмертными стихами, и за нимъ цѣлая плеяда поэтовъ, многіе изъ которыхъ по мастерству своему превзошли Жуковскаго, а между тѣмъ старый поэтъ до сихъ поръ все такъ же близокъ намъ, взрослымъ, и дѣтямъ, «плѣнительная сладость» его стиховъ не покрывается пепломъ времени, не тускнѣетъ. И дѣти, впервые знакомясь съ лучшими родными поэтами, переживутъ съ нимъ не мало хорошихъ, глубокихъ минутъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился 29 января 1783 года въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, близъ города Бѣлева. Отецъ его былъ бѣлевскій помѣщикъ Афанасій Ивановичъ Бунинъ, а мать—плѣнная турчанка Сальха, привезенная крестьянами Бунина изъ турецкаго похода. Фамилію свою поэтъ получилъ отъ своего крестнаго отца Андрея Григорьевича Жуковскаго, пріятеля Бунина, жившаго у него въ домѣ.

Имѣніе Мишенское, въ которомъ Жуковскій провелъ свое дѣтство и къ которому онъ всегда былъ горячо привязанъ, лежало въ средней полосѣ Россіи, у извилистыхъ береговъ Оки, среди живописныхъ рощъ и холмовъ. За домомъ тянулся густой старинный паркъ и тѣнистый садъ съ оранжереями, въ долинѣ бѣжалъ ручей, прозванный «Гремучимъ», невдалекѣ живописно разбросана была деревня съ церковью.

Мягкая, спокойная красота русской природы навсегда привлекла къ себѣ сердце поэта и наложила отпечатокъ

задушевности, мягкости и тихой грусти на многія его произведенія. Въ Мишенскомъ онъ впервые научился любить природу глубокой, спокойной любовью, находить утѣшеніе въ созерцаніи ея и чувствовать всю красоту мирнаго сельскаго пейзажа.

Семья, въ которой росъ маленькій Жуковскій, почти вся состояла изъ женщинъ — его старшихъ сестеръ (дочерей Бунина) и дѣвочекъ — племянницъ. Это женское общество немало повліяло на развитіе въ поэтѣ душевной мягкости, доброты, сердечнаго отношенія къ окружающимъ и глубокой привязанности къ людямъ. И окружающіе платили ему тѣмъ же: его любили не только родные и близкіе, но и посторонніе люди, съ которыми его потомъ сталкивала жизнь, горячо любили и всѣ его знаменитые современники — и Пушкинъ, и Карамзинъ, и Гоголь —, цѣня въ немъ не только поэта, но и добраго, отзывчиваго человѣка, всю свою жизнь заботившагося обо всѣхъ, кому нужна была его помощь.

Первые начатки знанія Жуковскій получилъ въ той же семьѣ, гдѣ его обученіемъ занялся его крестный отецъ, смѣнившій гувернера-нѣмца, которому сначала попробовали поручить обученіе мальчика. Но воспитательныя мѣры, которыя примѣнялъ гувернеръ (онъ ставилъ, напримѣръ, мальчика голыми колѣнями на горохъ), пришлись не по душѣ роднымъ Жуковскаго, отличавшимся мягкостью въ обращеніи съ дѣтьми и горячо любившимъ маленькаго поэта.

Домашнее обученіе продолжалось недолго. Крестная мать поэта, дочь Бунина, Варвара Афанасьевна Юшкова, переѣхавъ съ семьей въ Тулу, взяла съ собой и маленькаго поэта, котораго сначала помѣстила въ нѣмецкій пансіонъ. Но пансіонъ скоро закрылся, и мальчика отдали въ тульское народное училище. Однако, его вскорѣ оттуда исключили «за неспособность». Конечно, въ данномъ случаѣ «неспособными» оказались учителя школы, которые живого и одареннаго мальчика хотѣли подогнать подъ общую мѣрку и ничего въ немъ не нашли.

Послѣ этого неудачнаго опыта крестная мать рѣшила воспитывать Жуковскаго дома вмѣстѣ со своими дѣвочками, съ которыми онъ былъ въ большой дружбѣ. Двѣнадцатилѣтній поэтъ обучался съ ними однимъ и тѣмъ же предметамъ, главнымъ образомъ, иностраннымъ языкамъ. Свободное домашнее обученіе, въ которомъ такую большую роль играли иностранные языки, имѣло большое значеніе въ судьбѣ творчества поэта.

Въ домѣ крестной матери собирались также всѣ лучшія литературныя и музыкальныя силы, которыя тогда были въ Тулѣ. Здѣсь устраивались литературные вечера, читались вслухъ и разбирались произведенія современныхъ писателей. Такая обстановка, конечно, дѣйствовала благотворно на поэта, пробуждая въ немъ любовь къ литературѣ и давая первые толчки его творческимъ попыткамъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, въ 1795 году, Жуковскій поставилъ написанную имъ пьесу «Камиллъ или освобожденіе Рима», самъ игралъ роль героя, а своихъ подругъ-дѣвочекъ нарядилъ въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ. Успѣхъ былъ блестящій; подъ вліяніемъ этого успѣха онъ написалъ вторую пьесу («Павелъ и Виргинія»), которая, однако, къ великому огорченію маленькаго поэта, провалилась.

По окончаніи домашняго образованія, четырнадцатилѣтняго Жуковскаго въ январѣ 1797 года отвезли въ Москву и отдали въ московскій Благородный Университетскій пансіонъ. Общество дѣвочекъ смѣнилось рядомъ новыхъ товарищей по пансіону, среди которыхъ онъ провелъ около пяти лѣтъ. Пансіонъ этотъ представлялъ собой подготовительное учебное заведеніе къ университету. Воспитанники подъ руководствомъ своихъ учителей часто собирались вмѣстѣ, читали свои сочиненія и переводы и разбирали ихъ. Увлеченные литературными занятіями, ученики образовали литературный кружокъ, который назывался «Собраніе», и однимъ изъ первыхъ его предсѣдателей былъ избранъ Жуковскій. Въ сохранившемся уставѣ этого кружка любопытна цѣль, которую ставили себѣ молодые основатели кружка: «Цѣль собранія — исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще обработываніе вкуса». Члены кружка должны были въ каждомъ собраніи «читать, по-очереди, рѣчи о разныхъ, большею частью, нравственныхъ предметахъ, на русскомъ языкѣ, разбирать критически собственныя свои сочиненія и переводы; судить о примѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ историческихъ, а иногда читать, также по очереди, образцовыя отечественныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ, съ выраженіемъ чувствъ и мыслей авторскихъ и съ критическимъ показателемъ красотъ ихъ и недостатковъ».

Въ 1797 году появилось въ печати первое произведеніе Жуковскаго: «Мысли при гробницѣ», — посвященное памяти скончавшейся въ томъ году его крестной матери. Сочиненіе это было напечатано въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», за полной подписью —

«сочинилъ Благороднаго университетскаго пансіона воспитанникъ Василій Андреевичъ Жуковской».

Въ первыхъ своихъ литературныхъ опытахъ, написанныхъ въ теченіе пятилѣтней пансіонской жизни юный поэтъ, пораженный смертью любимой имъ крестной матери, не разъ возвращался къ темѣ о недолговѣчности земной жизни, о ея горестяхъ, находя утѣшеніе только въ томъ, что «останутся нетлѣнны лишь добрыя дѣла . . .» «Ничто не можетъ ихъ разрушить, ничто не можетъ ихъ затмить!» («Добродѣтель».) Въ прозаической статейкѣ «Миръ и война» пятнадцатилѣтній Жуковскій высказываетъ интересныя для его возраста мысли объ ужасахъ никого не щадящей войны и о радостяхъ, которыя всѣмъ приноситъ миръ. Помимо первыхъ самостоятельныхъ литературныхъ опытовъ, поэтъ начинаетъ заниматься въ пансіонѣ также переводами иностранныхъ авторовъ. Получая за свои переводы отъ книгопродавцевъ, кромѣ денегъ, также и книги, онъ къ концу своей пансіонской жизни составилъ себѣ цѣлую библіотеку.

Осенью 1801 года Жуковскій, окончивъ университетскій пансіонъ съ золотой медалью, поступилъ было на службу въ московскую Соляную контору, но скоро вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину въ село Мишенское къ друзьямъ дѣтства. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ смерти своего друга по пансіону Ан. И. Тургенева, онъ перевелъ съ англійскаго элегію Грея «Сельское кладбище», восторженно принятую его друзьями и всѣмъ русскимъ обществомъ.

Переѣхавъ затѣмъ въ Бѣлевъ, онъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ обучалъ дочерей своей сестры Екатерины Афанасьевны Протасовой, очень подружился со своими ученицами, а одну изъ нихъ, Марью Андреевну, горячо полюбилъ. Переселившись въ 1808 году въ Москву, Жуковскій принялъ ближайшее участіе въ «Вѣстникѣ Европы», одно время даже редактировалъ этотъ журналъ и напечаталъ въ немъ, между прочимъ, балладу «Людмилу» — передѣлку извѣстной баллады Бюргера «Ленора».

Въ 1810 году Василій Андреевичъ снова переѣхалъ въ деревню по сосѣдству съ Протасовыми, работалъ тамъ, переводилъ, читалъ и переписывался съ друзьями. Настроеніе его въ эти годы было подавленное и угнетенное: умерли близкіе ему люди: его пріемная мать — Бунина и родная мать. Любовь его къ Маріи Протасовой также ничего не принесла ему, кромѣ горя, такъ какъ мать ея

рѣшительно отказалась выдать ее за поэта, которому ея дочь приходилась племянницей, и заставила его покинуть ихъ имѣніе. Жуковскій былъ въ отчаяніи, но наступившая Отечественная война 1812 года дала ему возможность найти исходъ своему личному горю: поэтъ уѣхалъ въ Москву и 19 августа, поступивъ въ штабъ князя Кутузова, выступилъ съ Московскимъ ополченіемъ. Наканунѣ Тарутинскаго сраженія онъ написалъ свое знаменитое патріотическое стихотвореніе «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», съ восторгомъ встрѣченное не только въ войскѣ, но и во всей Россіи. Вскорѣ Жуковскій заболѣлъ горячкой, по выздоровленіи вышелъ въ отставку и вернулся къ себѣ на родину. Онъ еще разъ лично и черезъ своихъ друзей пытался устроить свое счастье съ любимой дѣвушкой, но, получивъ рѣшительный отказъ, переѣхалъ къ другимъ племянницамъ въ Долбино. Глубоко опечаленный неудачей въ своей личной жизни, поэтъ, однако, обнаружилъ по отношенію къ близкой ему семьѣ Протасовыхъ самыя добрыя и нѣжныя чувства, и постигшій его ударъ переносилъ безъ ропота, благодаря своему глубокому религіозному чувству.

Въ маѣ 1815 года въ судьбѣ Василія Андреевича произошла перемѣна, отразившаяся на всей его дальнѣйшей жизни: проѣздомъ черезъ Петербургъ онъ былъ представленъ государынѣ Маріи Федоровнѣ и, принятый ею съ большимъ вниманіемъ, былъ назначенъ съ осени того же года ея чтецомъ.

Въ столицѣ онъ прожилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ почти все время проводилъ въ Дерптѣ въ семьѣ Протасовой и Воейковой, изучалъ тамъ нѣмецкій языкъ и литературу и лишь по временамъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. На вечернихъ бесѣдахъ императрицы Жуковскій встрѣчался съ лучшими писателями того времени. Все растущій успѣхъ его вызвалъ противъ него враждебныя нападки со стороны писателей старой школы, которые выводили его въ смѣшномъ видѣ даже на сценѣ («Балладникъ» Фіалкинъ въ комедіи «Липецкія воды» князя Шаховского). Самъ Жуковскій относился къ этимъ нападкамъ добродушно, но друзья его рѣшили для борьбы съ противниками основать литературное общество. Вечеринки этого общества назывались въ шутку «Собраніями Арзамасской академіи», а всѣ участники ихъ получили прозвища, взятыя изъ балладъ Жуковскаго; самъ Жуковскій назывался — Свѣтланой, князь Вяземскій — Асмодеемъ, А. И. Тургеневъ — Эоловой арфой. Пушкинъ, вступившій позднѣе въ Арзамасъ, получилъ въ немъ

прозвище «Сверчка». За ужиномъ каждый разъ непремѣнно подавался хорошій гусь, собранія носили веселый, шутливый характеръ, на нихъ читались пародіи на произведенія литературныхъ приверженцевъ старины, группировавшихся вокругъ основаннаго Шишковымъ общества «Бесѣды любителей русскаго слова», и сами вечеринки часто представляли собой пародіи на эти засѣданія.

Въ это время закончился романъ Жуковскаго съ Маріей Андреевной Протасовой — она, посовѣтовавшись съ нимъ, рѣшила выйти замужъ за дерптскаго профессора Мойера. Это былъ тяжелый ударъ для поэта, но онъ перенесъ его мужественно и, возвратясь изъ Дерпта послѣ свиданія съ Маріей Андреевной, говорилъ: «Романъ моей жизни конченъ: начну ея исторію». — Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества Марія Андреевна умерла (въ 1823 году); въ послѣднемъ письмѣ къ Жуковскому она съ трогательной нѣжностью выразила свои чувства къ нему, утѣшая себя, подобно поэту, надеждой на свиданіе въ будущей жизни.

Это личное горе придало лирикѣ Жуковскаго отпечатокъ тихой и покорной грусти, но, благодаря его глубокой религіозности и непоколебимой вѣрѣ въ высшій идеальный міръ, грусть эта никогда не переходила въ отчаяніе, и онъ, несмотря на всѣ испытанія, сохранилъ до конца своихъ дней спокойную ясность души.

Новый толчокъ творчеству поэта случайно былъ данъ его новой ученицей — невѣстой будущаго государя Николая Павловича, сильно увлекавшейся своей родной нѣмецкой литературой. По ея выбору онъ перевелъ много нѣмецкихъ стиховъ, которые издавались въ видѣ маленькихъ книжекъ, подъ заглавіемъ: «Для немногихъ».

Лѣтомъ 1820 года, вслѣдствіе болѣзни своей ученицы, онъ отправился сопровождать ее за-границу. Онъ путешествовалъ по Германіи и Швейцаріи, осматривалъ музеи и памятники искусства, познакомился со многими современными знаменитыми писателями. Въ первый годъ своего путешествія онъ принялся въ Берлинѣ за переводъ «Орлеанской дѣвы» Шиллера и тамъ же закончилъ его. Въ Швейцаріи поэтъ побывалъ въ Шильонскомъ замкѣ, посѣщеніе котораго вдохновило его на переводъ поэмы Байрона «Шильонскій узникъ».

Вернувшись въ Россію, Жуковскій отпустилъ на волю своихъ крѣпостныхъ и, такимъ образомъ, почти за сорокъ лѣтъ до всеобщаго освобожденія крестьянъ сдѣлалъ этотъ шагъ по своему собственному доброму почину. Поселился онъ въ Петербургѣ въ семьѣ Воейковыхъ, гдѣ

къ поэту собирались на литературные вечера лучшіе писатели того времени: Батюшковъ, Вяземскій, Крыловъ, Карамзинъ и др. Въ 1826 году Жуковскій былъ назначенъ наставникомъ наслѣдника Александра Николаевича. Онъ очень тщательно разработалъ планъ занятій, собиралъ для своего ученика заграницей библіотеку (на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ), присутствовалъ на всѣхъ урокахъ и внимательно слѣдилъ за выполненіемъ своего учебнаго плана.

Въ 1831 году Василій Андреевичъ, проводя лѣто въ Царскомъ Селѣ, близко сошелся съ Гоголемъ и Пушкинымъ. Особенно любилъ онъ Пушкина, отвѣчавшаго ему такимъ же теплымъ чувствомъ.

Здѣсь, въ Царскомъ, Жуковскій вызвалъ Пушкина на поэтическое состязаніе, и оба они занялись художественной обработкой русскихъ народныхъ сказокъ. Пушкинъ написалъ сказку «О царѣ Салтанѣ», разсказанную ему его няней Ариной Родіоновной, а Жуковскій «О царѣ Берендеѣ» и «О спящей царевнѣ».

Вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Жуковскій съ участіемъ слѣдилъ за первыми литературными шагами Гоголя, руководя его чтеніемъ, причемъ Пушкинъ давалъ ему лучшихъ авторовъ французскихъ, а Жуковскій — нѣмецкихъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1837 г.) судьба отняла у Жуковскаго его великаго друга: Пушкинъ умеръ, и Жуковскій, присутствовавшій при послѣднихъ его минутахъ, написалъ посвященное его памяти, проникнутое глубокой скорбью стихотвореніе «Покойнику».

Въ 1832 году Жуковскій снова отправился за-границу путешествовать и лечиться. Онъ побывалъ въ Италіи, прожилъ нѣсколько недѣль въ Римѣ и за это время закончилъ одну изъ своихъ любимыхъ вещей — поэму «Ундину», содержаніе которой онъ взялъ изъ прозаической повѣсти Ламоттъ-Фукэ.

Когда его ученикъ-наслѣдникъ достигъ совершеннолѣтія, Жуковскій, чтобъ ознакомить его съ родиной, составилъ планъ путешествія по Россіи и Западной Сибири. Путешествіе это (въ 1837 году) дало доброму и отзывчивому поэту возможность использовать свое вліяніе на наслѣдника и облегчить участь многихъ ссыльныхъ въ Сибири. Помимо того, Жуковскій, благодаря своимъ связямъ и общей любви, которую онъ къ себѣ возбуждалъ, часто и успѣшно выступалъ въ роли горячаго защитника многихъ своихъ собратьевъ по литературѣ: хлопоталъ за Пушкина въ тяжелыя минуты его жизни, содѣйствовалъ

освобожденію Шевченко отъ крѣпостной зависимости, устраивалъ денежныя дѣла Гоголя, когда тотъ жилъ за-границей, и т. д. «Удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій», — писалъ о немъ его родственникъ писатель И. В. Кирѣевскій, многимъ ему обязанный. — «Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту его души, однако, при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ».

Въ 1841 году поэтъ переселился совсѣмъ за-границу (въ Германію) и женился тамъ на 18-ти лѣтней дочери своего друга художника Рейтерна. Жуковскій, всегда любившій дѣтей, былъ подъ старость глубоко утѣшенъ, ставъ отцомъ двухъ славныхъ здоровыхъ ребятишекъ, съ которыми онъ самъ занимался съ большимъ увлеченіемъ. Вотъ что писалъ онъ о нихъ одному изъ своихъ друзей въ 1845 году: «Мой Павелъ крѣпышъ, силачъ и вообще честный, тихій малый, — но не флегматикъ . . . Не воетъ, не кричитъ, всегда смиренъ; но когда вздумаетъ побунтовать, то у него все: носъ, уши, ноги, морда и плечи бунтуютъ. Въ Сашѣ множество прелестей и геніальности». — (Сашѣ было тогда — три года, а Павелъ еще не умѣлъ ходить.)

Въ этотъ періодъ его жизни онъ, кромѣ сказки объ Иванѣ Царевичѣ и Персидской поэмы «Рустемъ и Зорабъ», закончилъ наиболѣе цѣнимый имъ трудъ — полный переводъ «Одиссеи» Гомера. Въ 1849 году въ Петербургѣ въ домѣ друга Жуковскаго, писателя князя П. Вяземскаго, было отпраздновано пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности поэта въ его отсутствіе, такъ какъ онъ по болѣзни не могъ пріѣхать въ Россію.

Къ концу своей жизни Жуковскій почти лишился зрѣнія, но до послѣднихъ дней не переставалъ писать и составлять планы новыхъ работъ, оставаясь вѣрнымъ своему призванію: еще за день до смерти поэтъ бесѣдовалъ съ находившимся при немъ священникомъ — отцомъ Базаровымъ, о своей послѣдней неоконченной поэмѣ («Вѣчный жидъ»).

За нѣсколько часовъ до смерти онъ подозвалъ къ себѣ свою маленькую дочь и сказалъ ей: «Поди, скажи мамѣ, что я нахожусь въ ковчегѣ и высылаю ей перваго голубя: это — моя вѣра; другой голубь мой — это терпѣніе».

Умеръ Жуковскій 12 апрѣля 1852 г. въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской Лаврѣ, рядомъ съ могилой Карамзина. На памятникѣ, поставленномъ Жуковскому въ

Петербургѣ въ Александровскомъ саду, сіяютъ золотыя слова его великаго современника, ученика и друга — Пушкина. Слова эти, памятныя всѣмъ любящимъ русскую литературу, являются лучшей оцѣнкой творчества поэта:

«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, вн мля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость».

Много яркихъ образовъ оставилъ намъ старый поэтъ — сказочникъ и мечтатель: вспомнимъ нѣжную и грустную «Эолову арфу», веселаго и удалого «Кота въ сапогахъ», русскую сказку «Объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ», спокойный и плавно-текущій разсказъ «Овсяный кисель», мечтательную капризницу «Ундину» — всего не перечесть...

Хотя самъ онъ сочинялъ не мало, но главное его наслѣдство — переводы, въ которыхъ онъ впервые знакомилъ Россію съ крупными произведеніями западныхъ писателей, — были больше, чѣмъ переводы. «Переводя, производилъ онъ переводами такое дѣйствіе, какъ самобытный и самоцвѣтный поэтъ», говоритъ о немъ Гоголь. Жуковскій заново создавалъ на родномъ языкѣ, навѣянныя ему чужеземными музами легенды, баллады и сказки, и мы такъ къ нимъ привыкли, такъ полюбили ихъ, что давно считаемъ своими, изучаемъ въ школѣ и часто перечитываемъ потомъ, когда возвращаемся къ любимымъ книгамъ.

Жуковскій необыкновенно высоко цѣнилъ призваніе поэта: «Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли!» — писалъ онъ когда-то въ «Камоэнсѣ» и всей своей жизнью оправдалъ эту заповѣдь, никогда не охладѣвая къ своему творчеству, неустанно работая и увлекаясь все новыми задачами.

«Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго и велико значеніе его въ русской литературѣ», — такими словами оцѣнилъ поэта знаменитый русскій критикъ Бѣлинскій. А дѣтямъ онъ особенно дорогъ потому, что у рѣдкаго изъ русскихъ поэтовъ найдется столько страницъ, близкихъ дѣтямъ, волнующихъ и радующихъ ихъ.

А. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Сельское Кладбище

Элегія [изъ Грея]

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье,
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностію лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И пóтомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ.

На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная . . . и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами,
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ, можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ[1]) надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель[2]) необагренный,
Или Мильтонъ[3]) нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ —

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,

---

[1]) Гэмпденъ — англійск. государственный дѣятель XVII вѣка, оказавшій сопротивленіе Карлу I во время его борьбы съ парламентомъ.

[2]) Кромвель Оливеръ — предводитель парламентскихъ войскъ во время первой англійской революціи 1649 г. и глава англ. республики до 1658 г.

[3]) Мильтонъ Джонъ (1608—1674) — извѣстный англ. поэтъ, авторъ поэмы «Потерянный рай».

И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смя-
тeній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей . . .

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробо-
вою —
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не
плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей
слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной
урнѣ дышетъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ послѣдній, роковой;

И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный, —
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною,
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

«Нерѣдко къ вечеру, скитаясь межъ кустами —
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничѣмъ души не усладить.

«Взошла заря — но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла — нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ — искалъ — не находилъ.

«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое . . .
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить!»

— Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою —
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ только могъ — слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

Узникъ къ мотыльку, влетѣвшему въ его темницу

(Изъ Местра)

Откуда ты, эѳира житель?
Скажи, нежданный гость небесъ,
Какой зефиръ[1]) тебя занесъ
Въ мою печальную обитель?
Увы! денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты —
Тебя примчало сожалѣнье;
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
Надежда ясная влетѣла
Въ темницу къ узнику съ тобой.

---

[1]) Зефиръ — легкій вѣтерокъ

Скажи-жъ, любимый другъ природы,
Всѣ тѣ же-ль неба красоты?
По прежнему-ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты-ль рощи? Ясны-ль воды?
По прежнему-ль въ тиши ночной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видалъ ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ! зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все та же-ль тамъ краса природы?
Все такъ ли тамъ, какъ въ старину?

Весна сихъ сводовъ не видала:
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не долетаетъ къ симъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стенанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ.

Лети-жъ, лети къ свободѣ въ полѣ;
Оставь сей бездны глубину;
Спѣши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ;
Спѣши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь веселъ, гость мой легкокрылый,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ . . .
Быть можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.

Ахъ! если-бъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышетъ вами!
Но . . . ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Моихъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушной,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать —
Ты будешь путь ихъ услаждать
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣднiй щитъ:
Они страдальцу Провидѣнье;
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдитъ.

Падутъ желѣзные затворы —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры . . .
Но что? . . Я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ-обольститель;
Вспорхнулъ эѳирный посѣтитель . . .
Постой! . . . но онъ ужъ улетѣлъ.

(Первое января)

Предъ судилище Миноса[1])
Собралися для допроса,

---

[1]) Миносъ — миѳическiй царь острова Крита, ставшiй послѣ смерти судьей подземнаго царства, гдѣ, по вѣрованiю грековъ, находились тѣни умершихъ людей.

Подлѣ Стиксовыхъ[1]) бреговъ
Души блѣдныя скотовъ.

Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, пѣтухъ, индюшка,
Соловей, баранъ съ свиньей,
Стали предъ Миносомъ въ строй.

«Говорите, какъ вы жили?
Много-ль въ свѣтѣ вы грѣшили?»
Такъ сказалъ имъ судія.
«Начинай хоть ты, свинья».

«Я нисколько не грѣшила;
Не жалѣя морды, рыла
Я на свѣтѣ томъ навозъ;
Въ этомъ нѣтъ грѣха, Миносъ!»

«Я баранъ, жилъ тихомолкомъ,
Но на грѣхъ столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ,
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ».

«Я смиренная корова;
Нраву я была простова;
Грѣхъ мой, право, не великъ:
Ободралъ меня мясникъ».

«Хоть слыву я попугаемъ,
Но на свѣтѣ былъ считаемъ
Съ человѣкомъ наравнѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ!»

«Я котомъ служилъ на свѣтѣ,
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ;
Этотъ грѣхъ, по чести, малъ».

---

[1]) Стиксъ — рѣка подземнаго царства.

«Я пичужка вѣчно пѣла;
По эллински[1]) филомела,
А по русски соловей;
Не грѣшна ни въ чемъ, ей-ей!»

«Я курносая собака,
Моська, родомъ забіяка,
И зовутъ меня Барбосъ;
Пощади меня, Миносъ!»

«Я пѣтухъ, будильникъ ночи,
Съ крику выбился изъ мочи,
И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку».

«Я индюшка хлопотунья,
Пустомеля и болтунья,
У меня махровый носъ;
Не покинь меня, Миносъ!»

«Воронъ я, вѣщунъ и плакса,
Былъ я черенъ, такъ какъ вакса,
Каркалъ часто на бѣду;
Радъ я каркать и въ аду».

Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ . . .
И — ни слова не сказалъ.

Мотылекъ

Вчера я долго веселился,
Смотря, какъ мотылекъ
Мелькомъ на солнышкѣ, носился
Съ цвѣточка на цвѣтокъ.
И милый цвѣтъ его мѣнялся
Всечасно предо мной,

[1]) По гречески.

То алой тѣнью отливался,
    То нѣжной голубой.

Я вслѣдъ за нимъ . . . но онъ быстрѣе
    Виляетъ и кружитъ.
И вижу, вдругъ прильнувъ къ лилеѣ,
    Недвижимый блеститъ.

Бѣгу . . . и мой летунъ вертляный
    Дрожитъ въ моихъ рукахъ;
Но гдѣ же блескъ его румяный,
    Гдѣ краски на крылахъ?

Увы! коснувшись къ нимъ перстами,
    Я стеръ ихъ нѣжный цвѣтъ;
И мотылекъ . . . онъ все съ крылами,
    Но красоты ужъ нѣтъ.

«Такъ наслажденье измѣняетъ!»
    Вздохнувши, я сказалъ,
«Пока не тронуто — блистаетъ;
    Дотронься — блескъ пропалъ!»

Пѣсня

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
    Прошлою весною
Здѣсь поилъ ее потокъ
    Свѣжею струею . . .
Нѣтъ ея, весна прошла,
И фіалка отцвѣла.

Розы были тамъ въ сѣни
    Рощицы тѣнистой;
Оживляли долъ они
    Красотой душистой . . .
Лѣто быстрое прошло,
Лѣто розы унесло.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривой
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой . . .
Пламень лѣта былъ жестокъ;
Истощенный смолкъ потокъ.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Рощица, бывало,
Въ зной пріютъ давала намъ . . .
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь нерѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался . . .
Нѣтъ его, пѣвецъ увялъ,
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ.

Пѣсня Бѣдняка

(Изъ Уланда)

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ,
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Я вижу замки богачей
И ихъ сады кругомъ . . .
Моя-жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь,
Моя печаль въ тиши,
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
«Богъ помочь!» отъ души.

О, щедрый Богъ, не вовсе-жъ я
Тобою позабытъ,
Источникъ милости твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю,
И слыша благовѣстъ, съ тобой,
Создатель, говорю.

И знаю, будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Весеннее Чувство

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?

Чѣмъ опять душа полна,
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса . . .
Облака, летя, сіяютъ,

И сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется,
Или снова раздается
Милый голосъ старины?

Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрытъ? . .

Кто-жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется-ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное тамъ?

Вѣрность до гроба

(Изъ Кёрнера)

Младой Рогеръ свой острый мечъ беретъ,
За вѣру, честь и родину сразиться.
Готовъ онъ въ бой . . . но къ милой онъ идетъ,
Въ послѣдній разъ съ прекрасною проститься.
«Не плачь: надъ нами щитъ Творца;
Еще насъ небо не забыло;
Я буду вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой».

Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поскакалъ;
Дружина съ нимъ; кипятъ сердца ихъ боемъ;
И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
Передъ враговъ необозримымъ строемъ.
«Сей видъ не страшенъ для бойца;
И смерть ли небо мнѣ судило —
Останусь вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой».

И на врага взоръ мести бросивъ, онъ
Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень-истребитель;
И вспыхнулъ бой и врагъ ужъ истребленъ;
Но . . . побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.
Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой,
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?
Иль пѣснь твоя твоей судьбою стала?
Его ужъ нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.
Онъ палъ въ бою — и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Чижикъ

Въ могилѣ сей покоится Мими,
Прекрасныя природы гость мгновенной:
Примѣромъ былъ онъ дружбы неизмѣнной
Межъ птицами и даже межъ людьми.

Пока былъ живъ товарищъ легкокрылый,
Мими игралъ и жить любилъ, и пѣлъ;
Но вѣрный другъ изъ міра улетѣлъ —
Мими за нимъ покинулъ свѣтъ постылый.

Покойся-жъ здѣсь, плѣнительный пѣвецъ!
Намъ доказалъ нежданный твой конецъ,
Что безъ любви — могила жизни краше,
Что наша жизнь лишь тамъ, гдѣ сердце наше.

Утро на горѣ

Взошла заря. Дыханіемъ пріятнымъ
Сманила сонъ она съ моихъ очей.
Изъ хижины за гостемъ благодатнымъ,
Я восходилъ на верхъ горы моей;
Жемчугъ росы по травкамъ ароматнымъ
Уже блисталъ младымъ огнемъ лучей,
И день взлетѣлъ, какъ геній свѣтлокрылой,
И жизнью все живому сердцу было!

Я восходилъ . . . Вдругъ тихо закурился
Туманный дымъ съ долины надъ рѣкой,
Густѣлъ, рѣдѣлъ, тянулся и клубился,
И вдругъ взлетѣлъ крылатый надо мной,
И яркій день съ нимъ въ блѣдный сумракъ слился.
Задернулась окрестность пеленой,
И влажною пустыней окруженный
Я въ облакахъ исчезъ уединенный.

Три путника

(Изъ Уланда)

Въ свой край возвратяся изъ дальной земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.

«Прими, пріюти насъ на темную ночь;
Но гдѣ же красавица? гдѣ твоя дочь?»

— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя. —

Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ;
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.

И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой.

«Ахъ, если-бъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною-бъ отнынѣ любима была!»

Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ, и взоръ опустилъ.

«Ахъ, милая, милая, ты-ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!»

Но третій опять покрывало поднялъ,
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:

«Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть:
Тебя я и въ вѣчности буду любить!»

Побѣдитель

(Изъ Уланда)

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турнирѣ.
Всѣ — цвѣточки полевые;
А моя одна — какъ роза.
На нее глядѣлъ я смѣло,
Какъ орелъ глядитъ на солнце.
Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
Разгоралося забрало!
Какъ рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцырь!
Свѣтлыхъ взоровъ тихій пламень
Сталъ душѣ моей пожаромъ;
Сладкошепчущія рѣчи
Стали сердцу бурнымъ вихремъ;
И она — младое утро —
Стала мнѣ грозой могучей;
Я помчался, я ударилъ —
И ничто не устояло.

Море

Элегія

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ? . .
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу . . .
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты небомъ любуясь, дрожишь за него.

19-го Марта 1823 [1])

Ты предо мною
Стояла тихо,

[1]) День смерти М. А. Протасовой.

Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣднiй
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
Какъ тихiй ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

---

* * *

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновенiе летало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящiй лучъ оно —
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзiя одно.

Но дарователь пѣснопѣнiй
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣнiй,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата?
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ, темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ —
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты —
Кладу на твой алтарь священной,
О геній чистой красоты!

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда —
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло очарованье;
Былое сбудется опять.

Мотылекъ и цвѣты[1])

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго,
Младой денницей пробужденъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,

[1]) Стихи, написанные въ альбомъ Н. И. И. на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ. В. Ж.

Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ, цвѣты, прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогр ѣть

Не рождены вы для вним. анія;
Вамъ не понятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія;
Безъ горя забываешь васъ.
Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
Какъ вы минутный вѣтерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два не надменные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ пышнаго сіянія,
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы — цвѣтъ другой.

О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

Ночь

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ[1]) летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

Солнце и Борей[2])

Солнцу разъ сказалъ Борей:
«Солнце, ярко ты сіяешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своихъ лучей!..
Но сравнишься-ль ты со мною?
Я сто разъ тебя сильнѣй!
Захочу — пущусь, завою
И въ минуту мракомъ тучъ
Потемню твой яркій лучъ.
Всей землѣ свое сіянье
Ты безъ шума раздаешь,
Тихо на небо взойдешь,
Продолжаешь путь въ молчаньѣ,

---

[1]) Гесперъ — вечеръ.
[2]) Борей — бурный сѣв.-зап. холодный вѣтеръ.

И закатъ спокоенъ твой.
Мой обычай не такой!
Съ ревомъ, свистомъ я летаю,
Всѣхъ верчу, все возмущаю,
Все дрожитъ передо мной.
Такъ не я ли царь земной? . .
И труда не будетъ много
То на дѣлѣ доказать.
Хочешь власть мою узнать?
Вотъ, гляди: большой дорогой
Путешественникъ идетъ;
Кто скорѣй съ него сорветъ
Плащъ, которымъ онъ накрылся,
Ты иль я? . .» И вмигъ Борей
Всею силою своей,
Какъ неистовый, пустился
Съ путешественникомъ въ бой.
Тянетъ плащъ съ него долой!
Но напрасно онъ хлопочетъ . . .
Путешественникъ впередъ
Все идетъ себѣ, идетъ,
Уступить никакъ не хочетъ
И плаща не отдаетъ.
Наконецъ, Борей въ досадѣ
Замолчалъ; и вдругъ изъ тучъ
Показало Солнце лучъ,
И при первомъ Солнца взглядѣ,
Оживленный теплотой,
Путешественникъ по волѣ
Плащъ, ему не нужный болѣ,
Снялъ съ себя своей рукой.
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
«Безразсудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь, злобы самовластной
Милость кроткая сильнѣй!»

Умирающій лебедь

День ужъ къ вечеру склонялся,
Дряхлый лебедь умиралъ.
Онъ въ тѣни деревъ лежалъ,
Тихо съ жизнію прощался
И при смерти сладко пѣлъ.
И надъ нимъ сидѣлъ уныло
Голубочекъ сизокрылый,
Слушалъ пѣніе, смотрѣлъ,
Какъ покойно онъ кончался,
И грустилъ и восхищался.
«Что глядишь на старика?»
Такъ спросила голубка,
Легкомысленная утка.
«Ахъ! для сердца и разсудка
Смерть его святой урокъ!»
Отвѣчалъ ей голубокъ.
«Слышишь, какъ онъ сладкогласно
При концѣ своемъ поетъ!
Кто на свѣтѣ жилъ прекрасно,
Тотъ прекрасно и умретъ!»

Любовь

По волѣ природы,
На лонѣ душистомъ
Въ цвѣтущей долинѣ,
И въ пышномъ чертогѣ,
И въ звѣздномъ блистаньи
Безмолвныя ночи
Дышу лишь тобою.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
Въ меня ты вливаешь;
Въ веснѣ животворной,
Въ цвѣтахъ благовонныхъ,

Меня ты объемлешь
Спокойствіемъ неба,
Святая любовь.

Къ Младенцу

Во дни твоей весны,
Не вѣдая тревогъ,
Ты радостью цвѣтешь,
Прекрасное дитя.
Небесная лазурь,
И свѣжіе цвѣты,
И свѣтлая роса,
И зелень молодыхъ
Деревьевъ и полей,
Все, все, младенецъ мой,
Улыбкою любви
Привѣтствуетъ тебя.

Двѣ загадки

1

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ, огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ.
Идешь къ нему — онъ прочь стремится
И въ тоже время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

(Радуга).

2

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ, приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поитъ вода живая,
И умирать имъ не дано;
Они одной дорогой бродятъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь — овенъ[1]) прекрасный
Ихъ сторожитъ огромный песъ[2]);
Есть левъ[3]) межъ ними неопасный,
И дѣва[4]) — чудо изъ чудесъ.

(Звѣзды).

Появленіе весны

(Изъ Уланда)

Зелень нивы, рощи лепетъ,
Въ небѣ жаворонка трепетъ,
Теплый дождь, сверканье водъ,
Васъ назвавши, что прибавить?
Чѣмъ инымъ тебя прославить,
Жизнь души, весны приходъ?

---

[1]) [2]) [3]) [4]) Овенъ, Песъ, Левъ и Дѣва — названія созвѣздій.

Островъ

Цвѣтетъ и расцвѣтаетъ
Мой милый островокъ;
Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листами
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ древесъ
Глядятъ, какъ будто очи
Блестящія небесъ.

Плѣнительно сквозь сѣни
Луна сіяетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ геніи крылаты
Играютъ при лунѣ,
Пьютъ листьевъ ароматы,
И плещутся въ волнѣ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ радость,
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша младость
Играетъ съ нами тамъ.

Покойнику

(А. С. Пушкинъ)

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто п[illegible] тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ; голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря с[illegible] вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза.
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ — въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ; и спросить мнѣ хотѣлось: что видишь?

Stabat Mater[1])

Горько плача и рыдая,
Предстояла въ сокрушеньи
Матерь Сыну на крестѣ:

Душу, полную любови,
Сожалѣнья, состраданья,
Растерзалъ ей острый мечъ.

Какъ печально, какъ прискорбно
Ты смотрѣла, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!

---

[1]) Stabat Mater — Мать (Господа) стояла у креста: католическій гимнъ въ память страданій Богоматери во время распятія Спасителя.

Какъ молилась, какъ рыдала,
Какъ терзалась, видя муки
Сына-Бога твоего!

Кто изъ насъ не возрыдаетъ,
Зря святую Матерь Бога
Въ сокрушеніи такомъ?

Кто души въ слезахъ не выльетъ,
Видя, какъ надъ Богомъ-Сыномъ
Безотрадно плачетъ Мать;

Видя, какъ за насъ Спаситель
Отдаетъ себя на муку,
На позоръ, на казнь, на смерть;

Видя, какъ въ тоскѣ послѣдней
Онъ хладѣя, умирая,
Духъ свой Богу предаетъ?

О, святая Мать любови,
Влей мнѣ въ душу силу скорби,
Чтобъ съ тобой я плакать могъ!

Дай, чтобъ я горѣлъ любовью —
Весь проникнутъ вѣрой сладкой —
Къ искупившему меня;

Дай, чтобъ въ сердцѣ смерть Христову,
И позоръ его, и муки
Неизмѣнно я носилъ;

Чтобъ во дни земной печали
Подъ крестомъ моимъ утѣшенъ
Былъ любовью ко Христу;

Чтобъ кончину мирно встрѣтилъ;
Чтобъ душѣ моей Спаситель
Славу рая отворилъ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ[1])

(Отрывки)

1

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя . . .
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

2

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

3

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.

---

[1]) Авторъ писалъ эти стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, находясь въ московскомъ ополченіи.
В. Ж.

Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

4

Святому братству сей фіалъ[1])
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье,
Онъ наша совѣсть, онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

5

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ,
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ,
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды,

---

[1]) Фіалъ — чаша.

Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

6

Подымемъ чашу! .. Богу силъ!
О, братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О, братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье — тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь — къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.

А мы? .. Довѣренность къ Творцу!
Что-бъ ни было — незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь низкое, прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
До самой двери гроба;

Въ высокой долѣ простота;
Не жадность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ правота;
Въ могуществѣ смиренье.

Обѣтамъ вѣчность, чести честь,
Покорность правой власти;
Для дружбы все, что въ мірѣ есть;
Любви весь пламень страсти;
Утѣха скорби, просьбѣ дань,
Погибели спасенье,
Могущему пороку брань,
Безсильному презрѣнье;
Неправдѣ грозный правды гласъ
Заслугѣ воздаянье,
Спокойствіе въ послѣдній часъ,
При гробѣ упованье.

СКАЗКИ

Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери

Жилъ-былъ царь Берендей, до колѣнъ борода.
Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ царицей и восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили палатку;
Душно стало царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно . . .
Какъ быть, что дѣлать? А плохо приходитъ; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье

Гдѣ-нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ — не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно виляя и вправо и влѣво,
Только что дразнитъ царя и никакъ не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа и слѣва —
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Постой же! (подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя, и недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившися вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ . . . анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ; и кто-то
Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,

Силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою —
Держатъ его да и только. «Кто тамъ? Пустите!» кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнитъ царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ, наконецъ, сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: «не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты не знаешь».
Царь подумалъ: чего-жъ я не знаю? я, кажется, знаю
Все! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ.
«Ладно! опять сиповатый послышался голосъ; смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа».
Съ этимъ словомъ исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся, какъ гоголь[1]),
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ и всѣ царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли, мало ли ѣхалъ,

[1]) Гоголь — похожая на утку птица изъ семейства утиныхъ.

Только ужъ вотъ онъ близко столицы; навстрѣчу толпами
Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ палатамъ —
Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; и съ царицей
Рядомъ первый министръ; на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней же младенецъ, прекрасный какъ свѣтлый
Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и ахнулъ.
«Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, проклятый
Демонъ, меня!» Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ;
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку, и, горе
Скрывъ про себя, по-прежнему царствовать началъ. О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ
Росъ не по днямъ — по часамъ, и сдѣлался чудо-красавецъ.
Вотъ, наконецъ, и царь Берендей о томъ, что случилось,

Вовсе забылъ . . . но другіе не такъ забывчивы были.
Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, съ глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ, сказалъ онъ,
Долго тебя дожидалися мы; пора бы насъ вспомнить».
Кто ты? царевичъ спросилъ. «Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклонъ отнеси; да скажи отъ меня: не пора ли,
Царь Берендей, должокъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья». И съ этимъ
Словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ же царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею, приходитъ.
Батюшка, царь-государь, говоритъ онъ; со мною случилось
Чудо. И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. «Бѣда, мой сердечный

Другъ, Иванъ-царевичъ! воскликнулъ онъ, горько заплакавъ,
Видно, пришло намъ разстаться! . .» И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ. Не плачь, не крушися, родитель,
Такъ отвѣчалъ Иванъ-царевичъ; бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,
Даже сама государыня матушка. Если-жъ назадъ я
Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ . .
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня. — Снарядили, какъ должно,
Въ путь Ивана-царевича. Далъ ему царь золотыя
Латы, мечъ и коня вороного; царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали . . . съ Богомъ! Поѣхалъ
Въ путь Иванъ-царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужъ ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго — солнце
Только успѣло зайти — подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко
Озеро то, какъ стекло; вода наровнѣ съ берегами;
Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый

Берегъ и частый тростникъ — и все какъ будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростинка не тронется; шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ-царевичъ смотритъ, и что же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ: рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль
Слѣзъ Иванъ-царевичъ съ коня; высокой травою
Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ . . .
Вотъ, наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, о земь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выдти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ . . .
Жалко стало Ивану-царевичу. Вотъ онъ выходитъ

Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: Иванъ-царевичъ, отдай мнѣ
Платье мое, я сама тебѣ пригожуся. Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку, и скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ-царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна
Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и, краснѣя,
Руку ему подаетъ, и, потупивъ стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: благодарствуй,
Добрый Иванъ-царевичъ, за то, что меня ты послушалъ;
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и мною доволенъ
Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго, Марья царевна;
Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ
Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя поджидаетъ
Въ гости и очень сердитъ; но ты не пекись, не заботься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай:
Только завидишь Кощея царя, упади на колѣни,
Прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ — не пугайся;

Станетъ ругаться — не слушай; ползи да и только; что послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора намъ. — И Марья царевна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство спустились.
Видятъ дворецъ Кощея безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ
Весь изъ карбункула камня, и ярче небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ-царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза какъ два изумруда; руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ-царевичъ. Кощей же затопалъ; сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи царевны
Вспомня, поползъ на корачкахъ Иванъ-царевичъ къ престолу;
Царь шумитъ, а царевичъ ползетъ да ползетъ. Напослѣдокъ
Стало царю и смѣшно: «Добро ты, проказникъ, сказалъ онъ,
Если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то съ тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ
Къ намъ въ подземельное царство; но знай, за твое ослушанье

Долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Нынѣ ужъ поздно; поди». Тутъ два придворныхъ проворно
Подъ руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу въ поясъ, ушли, и остался
Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постель, и скоро
Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано по утру
Царь Кощей къ себѣ Ивана-царевича кликнулъ:
«Ну, Иванъ-царевичъ, сказалъ онъ, теперь мы посмотримъ,
Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить
Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя, вкругъ регулярный
Садъ и въ саду пруды съ карасями; если построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нѣтъ, то прошу не пенять . . . головы не удержишь!»
Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ-царевичъ подумалъ,
Вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй! — Съ тяжелой кручиной
Онъ возвратился къ себѣ, и сидитъ пригорюнясь; ужъ вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку,
Бьется объ стекла — и слышитъ онъ голосъ: впусти! Отворилъ онъ

Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
Марьей-царевной. Здравствуй, Иванъ-царевичъ; о чемъ ты
Такъ призадумался? «Нехотя будешь задумчивъ, сказалъ онъ:
Батюшка твой до моей головы добирается». — Что же
Сдѣлать рѣшился ты? «Что? Ничего. Пускай его сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь.»
Нѣтъ, мой милый Иванъ-царевичъ, не должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди, не печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе: ложися
Спать; а завтра поранѣе встань; ужъ дворецъ твой построенъ.
Будетъ; ты-жъ только ходи съ молоткомъ, да постукивай въ стѣну.
Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, изъ каморки
Вышелъ Иванъ-царевичъ . . . глядитъ, а дворецъ ужъ построенъ,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
Вѣрить не хочетъ глазамъ. «Да ты хитрецъ не на шутку,
Такъ онъ сказалъ Ивану-царевичу; вижу ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь догадливъ?
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты будешь

Три раза мимо пройти, и въ третій мнѣ разъ
безъ ошибки
Младшую дочь мою, Марью царевну, узнать;
не узнаешь —
Съ плечъ голова! поди». — Ужъ выдумалъ,
чучела, мудрость,
Думалъ Иванъ-царевичъ, сидя подъ окномъ.
Не узнать мнѣ
Марью царевну . . . какая-жъ тутъ трудность? —
А трудность такая,
Молвила Марья царевна, пчелкой влетѣвши,
что если
Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой.
Всѣхъ насъ
Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и
такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ
только по платью
Можетъ насъ различать. «Ну что же мнѣ дѣ-
лать?» А вотъ что:
Буду я та, у которой на правой щекѣ ты за-
мѣтишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, вглядись
хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья. — И
пчелка исчезла.
Вотъ на другой день опять Ивана-царевича
кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ
одинакомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. «Ну,
искусникъ,
Молвилъ Кощей, изволь-ка пройтиться три
раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудись
указать намъ
Марью царевну». Пошелъ Иванъ-царевичъ; гля-
дитъ онъ

Въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вот
онъ проходитъ
Въ первый разъ — мошки нѣтъ; проходитъ дру
гой разъ — все мошк
Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ — крадетс
мошка,
Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-то под
нею
Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ тре
пещущимъ сердцемъ
«Вотъ она, Марья царевна!» сказалъ онъ Кощею
подавши
Руку красавицѣ съ мошкой. — Э! Э! да тутъ
примѣчаю,
Что-то нечисто, Кощей проворчалъ, на царевич
съ сердцемъ
Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда, узнал
ты
Марью царевну: но какъ узналъ? Вотъ тутъ-т
и хитрость;
Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, тепер
доберуся
Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ нам
пожалуй;
Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрост
на дѣлѣ
Здѣсь покажи: зажгу я соломенку; ты же
покуда
Будетъ горѣть та соломенка, здѣсь, не трогаяс
съ мѣста,
Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво
да только
Знай напередъ: не сошьешь — долой голова; до
свиданья. —
Золъ возвратился къ себѣ Иванъ-царевичъ, а
пчелка
Марья царевна ужъ тамъ. — Отчего опять такъ
задумчивъ,

Милый Иванъ-царевичъ? спросила она. «По неволѣ
Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой затѣялъ
Новую шутку: шей я ему сапоги съ оторочкой;
Развѣ какой я сапожникъ? Я царскій сынъ; я не хуже
Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! видали мы много
Этихъ безсмертныхъ». — Иванъ царевичъ, да что же ты будешь
Дѣлать? «Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану.
Сниметъ онъ голову — чортъ съ нимъ съ собакой! какая мнѣ нужда!»
— Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся,
Или вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужъ другого
Способа нѣтъ. — Такъ сказавъ, на окошко Марья царевна
Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки
Вышла она потомъ съ Иваномъ-царевичемъ вмѣстѣ,
Двери ключемъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.
За руку взявшись потомъ, они поднялися и мигомъ
Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство:
Тоже озеро, низкій берегъ, муравчатый, свѣжій
Лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро гуляетъ

Конь Ивана-царевича. Только почуялъ могучій
Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплясалъ
и помчался
Прямо къ нему, и, примчавшись, какъ вкопан-
ный въ землю,
Сталъ передъ нимъ. Иванъ-царевичъ, не думая
долго,
Сѣлъ на коня, царевна за нимъ и пустились
стрѣлою.
Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ
придворныхъ
Слугъ доложить Ивану-царевичу: что-де такъ
долго
Мѣшкать изволите? Царь дожидается. — Слуги
приходятъ:
Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за
двери имъ слюнки,
Словно какъ самъ Иванъ-царевичъ, отвѣт-
ствуютъ: буду.
Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ
Кощею;
Ждать подождать, царевичъ нейдетъ; посылаетъ
въ другой разъ
Тѣхъ же пословъ разсерженный Кощей, и та
же все пѣсня:
Буду, а нѣтъ никого. — Взбѣсился Кощей.
«Насмѣхаться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же; дверь раз-
ломать и въ минуту
За воротъ къ намъ притащить неучтивца!» Бро-
сились слуги . . .
Двери разломаны . . . вотъ тебѣ разъ; никого
тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ злости не
лопнулъ.
«Ахъ онъ, воръ окаянный! люди! люди! скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ! . . . я всѣхъ перевѣшаю,
если

Онъ убѣжитъ!» . . . Помчалась погоня . . . Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ Ивану-царевичу Марья царевна, прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня, и припавши
Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: скачутъ и близко. — Такъ медлить
Нечего, Марья царевна сказала, и въ ту же минуту
Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ-царевичъ желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро погоня
Скачетъ по свѣжему слѣду; но къ рѣчкѣ примчавшися, стали
Въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мостика виденъ;
Далѣ-жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится на три дорога.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о ихъ неудачѣ услышавъ.
«Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ былъ непремѣнно
Здѣсь онъ!» . . . Опять помчалась погоня . . . Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ опять Ивану-царевичу Марья царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла, и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей:
Скачутъ и близко. — И въ ту же минуту Марья царевна

Вмѣстѣ съ Иваномъ-царевичемъ, съ ними и конь
их, дремучимъ
Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тро-
пинокъ, числа нѣтъ;
По лѣсу-жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками
несется.
Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися къ
лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ и пустились въ до-
гонку за ними.
Лѣсъ же раскинулся вплоть до входа въ Кощеево
царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да
скачетъ;
Кажется, близко; ну, только-бъ схватить; анъ
нѣтъ, не дается.
Глядь! очутились они у входа въ Кощеево
царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ
погоню; и скрылось
Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пустыми
руками
Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣпная
собака,
Началъ метаться Кощей. «Вотъ я-жъ его плута!
коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня от-
вертится!»
Снова Ивану-царевичу Марья царевна тихонь-
ко
Шепчетъ: мнѣ слышится топотъ; и снова онъ ей
отвѣчаетъ:
Скачутъ и близко. — Бѣда намъ! вѣдь это Кощей
мой родитель
Самъ; но у первой церкви граница его госу-
дарства;
Далѣе-жъ церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ.
Подай мнѣ

Крестъ твой съ мощами. — Послушавшись Марьи
царевны, снимаетъ
Съ шеи свой крестъ золотой Иванъ-царевичъ,
и въ руки
Ей подаетъ, и въ минуту она обратилася въ
церковь,
Онъ въ монаха, а конь въ колокольню, и въ ту
же минуту
Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. «Не ви-
далъ ли проѣзжихъ,
Старецъ честной?» онъ спросилъ у монаха. —
Сейчасъ проѣзжали
Здѣсь Иванъ-царевичъ съ Марьей царевной;
входили
Въ церковь они — святымъ помолились, да мнѣ
приказали
Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ по-
клониться,
Если ко мнѣ ты заѣдешь. «Чтобъ шею сломить
имъ проклятымъ!»
Крикнулъ Кощей, и, коня повернувъ, какъ
безумный помчался
Съ свитой назадъ; а примчавшись домой, пе-
ресѣкъ безпощадно
Всѣхъ до единаго слугъ. Иванъ же царевичъ съ
своею
Марьей царевной поѣхали далѣ, уже не боясь
Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ
склонялось
Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ
передъ ними
Городъ прекрасный. Ивану-царевичу смерть
захотѣлось
Въ этотъ городъ заѣхать. — Иванъ-царевичъ,
сказала
Марья царевна, не ѣзди; не даромъ вѣщее сердце
Ноетъ во мнѣ: бѣда приключится. «Чего ты
боишься,

Марья царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ
Городъ, потомъ и назадъ». — Заѣхать не трудно; да трудно
Выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь
Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь остороженъ: царь и царица и дочь ихъ царевна
Выйдутъ навстрѣчу тебѣ и съ ними прекрасный младенецъ
Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь
Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ,
Съ горя умру, и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь у дороги
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третій
День не придешь . . . но прости, поѣзжай. — И въ городъ поѣхалъ,
Съ нею простяся, Иванъ-царевичъ одинъ. У дороги
Бѣлымъ камнемъ осталася Марья царевна. Проходитъ
День, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій —
Нѣтъ Ивана-царевича. Бѣдная Марья царевна!

Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли
Встрѣтить его и царь и царица и дочь ихъ царевна;
Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка,
Живчикъ, глазенки какъ ясныя звѣзды; и бросился прямо
Въ руки Ивану-царевичу; онъ же его красотою

Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки
Началъ его цѣловать: и въ эту минуту затмилась
Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ царевнѣ.
Горе взяло ее. «Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ
Не зачѣмъ болѣ». И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня
Марья царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась.
«Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ
Кто-нибудь въ землю меня», сказала она, и росинки
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали. Дорогой въ то время
Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ;
Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце
Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то
Начало дѣяться въ ней: проснется старикъ — а въ избушкѣ
Все ужъ, какъ надобно, прибрано. Нѣтъ нигдѣ ни пылинки.
Въ полдень придетъ онъ домой — а обѣдъ ужъ состряпанъ и чистой
Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися, и ѣшь на здоровье.
Онъ дивился, не зналъ, что подумать; ему напослѣдокъ

Стало страшно, и онъ у одной ворожейки старушки
Началъ совѣта просить, что дѣлать. «А вотъ что ты сдѣлай,
Такъ отвѣчала ему ворожейка: встань ты до первой
Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба
Глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ, увидишь».
Цѣлую ночь на пролетъ старикъ пролежалъ на постели,
Глазъ не смыкая. Заря занялася и стало въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ, и началъ летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели
Прянулъ старикъ и накрылъ цвѣточекъ платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица Марья царевна.
— Что ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ-царевичъ прекрасный
Бросилъ меня, и я имъ забыта. «Иванъ твой царевичъ
Женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ и гости
Съѣхались всѣ». Заплакала горько Марья царевна;

Слезы потомъ отерла; потомъ въ сарафанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходитъ на царскую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ;
Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья царевна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ, и сладкимъ, какъ флейта,
Голосомъ молвила: Поваръ, голубчикъ, послушай, позволь мнѣ
Свадебный спечь пирогъ для Ивана-царевича. — Поваръ,
Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ
Марью царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ:
Въ добрый часъ, дѣвица красавица; все, что угодно,
Дѣлай; Ивану-царевичу самъ поднесу я пирогъ твой.
Вотъ пирогъ испеченъ; а званые гости, какъ должно,
Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ. Услужливый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ-царевичемъ; гости
Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзалъ съ него Иванъ-царевичъ — новое чудо!
Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.

Голубь по столу ходитъ; голубка за нимъ, и
воркуетъ:
Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты
забудешь
Такъ, какъ Иванъ-царевичъ забылъ о Марьѣ
царевнѣ!
Ахнулъ Иванъ-царевичъ, то слово голубки услы-
шавъ;
Онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ
дверь, а за дверью
Марья царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца
же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взну-
зданный, пляшетъ.
Нечего медлить; поѣхалъ Иванъ-царевичъ съ
своею
Марьей царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ прі-
ѣзжаютъ
Въ царство царя Берендея они. И царь и ца-
рица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого
веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго
не стали
Думать; честнымъ пиркомъ, да за свадебку;
съѣхались гости;
Свадьбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ медъ я и
пиво
Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало.
И все тутъ.

Спящая царевна

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка, была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ, ползетъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты въ эту ночь:
У тебя родится дочь.
«Благодарствуй, добрый ракъ;
Не ждала тебя никакъ . . .»
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей;
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ, конечно, былъ пророкъ,
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было-жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего-жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ,
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ!

(Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано).
«Что-жъ тутъ дѣлать! царь сказалъ;
Такъ и быть!» И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собралися пировать
Гостьи, званыя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго царя
За пріемъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всѣмъ на радость ты
Благонравна и тиха;
Дамъ красавца жениха
Я тебѣ, мое дитя;
Жизнь твоя пройдетъ, шутя,
Межъ знакомыхъ и родныхъ . . .»
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова — глядь!
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
«На пиру я не была,
Но подарокъ принесла:
На шестнадцатомъ году
Повстрѣчаешь ты бѣду;
Въ этомъ возрастѣ своемъ
Руку ты веретеномъ
Оцарапаешь, мой свѣтъ,
И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!»
Проворчавши такъ, тотчасъ,
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;

Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: «не дамъ
Безъ пути ругаться ей
Надъ царевною моей;
Будетъ то не смерть, а сонъ;
Триста лѣтъ продлится онъ;
Срокъ назначенный пройдетъ,
И царевна оживетъ;
Будетъ долго въ свѣтѣ жить;
Будутъ внуки веселить
Вмѣстѣ съ нею мать, отца
До земнаго ихъ конца».
Скрылась гостья. Царь грустить;
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ:
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
«Запрещается отъ насъ
Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
Прясть, сучить, чтобъ веретенъ
Духу не было въ домахъ;
Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
Всѣхъ изъ царства выслать вонъ».
Царь, издавъ такой законъ,
Началъ пить и ѣсть и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходятъ; дочь растетъ;
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ:
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ . . .
Что-то, что-то будетъ съ ней!
Разъ съ царицею своей
Царь отправился гулять;
Но съ собой царевну взять
Не случилось имъ; она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть
И на свѣтъ въ окно глядѣть.

«Дай, сказала, наконецъ,
Осмотрю я нашъ дворецъ».
По дворцу она пошла:
Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
Всѣмъ любуется она;
Вотъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ,
Всходитъ вверхъ, и видитъ тамъ:
Старушоночка сидитъ;
Гребень подъ носомъ торчитъ;
Старушоночка прядетъ
И за пряжею поетъ:
«Веретенце, не лѣнись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будетъ въ добрый часъ
Гостья жданая у насъ».
Гостья жданая вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла и вмигъ оно
Укололо руку ей . . .
Все исчезло изъ очей;
На нее находитъ сонъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ;
Все утихнуло кругомъ;
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ
Пошатнулся и зѣвнулъ,
И съ царицею заснулъ;
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій самъ;
Неподвижно по стѣнамъ

Мухи сонныя сидятъ;
У воротъ собаки спятъ;
Въ стойлахъ, головы склонивъ,
Пышны гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ,
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнемъ;
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ;
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ навѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда слѣда —
И приблизиться бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облака небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.
Вотъ ужъ полный вѣкъ протекъ;
Словно не жилъ царь Матвѣй —
Такъ изъ памяти людей
Онъ изгладился давно.
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
(По сказанью стариковъ),

Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ царевну разбудить;
Даже бились объ закладъ,
И ходили — но назадъ
Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
Въ неприступный страшный боръ
Ни старикъ, ни молодой,
За царевной ни ногой.
Время-жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что-жъ случилося? Въ одинъ
День весенній, царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ,
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ, онъ видитъ, теменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ.
Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
«Разскажи про этотъ боръ
Мнѣ, старинушка честной?»
Покачавши головой,
Все старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ:
Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ давно стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь,
Какъ со всякимъ тожъ, да тожъ

Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ. —
Былъ дѣтина удалой
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ,
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье тамъ.
Что-жъ явилося очамъ
Сына царскаго? Заборъ,
Ограждавшій темный боръ,
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой;
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой:
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;
Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто не страшно въ немъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой; вотъ, наконецъ,
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье — чудо старины;
Ворота отворены;
Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопаный, сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,

Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ;
Сонъ **волшебный** овладѣлъ
Прежде сна **простого** имъ;
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ,
И упасть готовый, спитъ.
Изумленъ и пораженъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу;
Приближается къ крыльцу;
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ идти; но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ
И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
Путь наверхъ загороженъ.
Какъ же быть? подумалъ онъ,
Гдѣ пробраться во дворецъ?
Но рѣшился, наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ;
Пышно все, но всюду сонъ,
Гробовая тишина.
Вдругъ глядитъ: отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Вся душа его кипитъ,
Передъ нимъ царевна спитъ.
Какъ дитя лежитъ она,
Распылалася отъ сна;
Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
Межъ рѣсницами блеститъ

Пламя сонное очей;
Ночи темныя темнѣй,
Заплетенные косой,
Кудри черной полосой
Обвились кругомъ чела;
Грудь, какъ свѣжій снѣгъ бѣла;
На воздушный, тонкій станъ
Брошенъ легкій сарафанъ;
Губки алыя горятъ;
Руки бѣлыя лежатъ
На трепещущихъ грудяхъ;
Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
Ножки чудо красотой.
Видомъ прелести такой
Отуманенъ, распаленъ,
Неподвижно смотритъ онъ;
Неподвижно спитъ она.
Что-жъ разрушитъ силу сна?
Вотъ, чтобъ душу насладить,
Чтобъ хоть мало утолить
Жадность пламенныхъ очей,
На колѣни ставши, къ ней
Онъ приблизился лицомъ:
Распалительнымъ огнемъ
Жарко рдѣющихъ ланитъ
И дыханьемъ устъ облитъ,
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.
Вмигъ проснулася она;
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ:
Царь, царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все, какъ было; словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идетъ;
Нагулявшися, ведетъ

Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ пёсъ;
На конюшнѣ свой овесъ
Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,
И треща огонь горитъ,
И струею дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Онъ съ царевной, наконецъ,
Сходитъ сверху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что-жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ,
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

Война мышей и лягушекъ

(Отрывокъ)

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости-жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ-подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно

Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.
Было прекрасно майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей, вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Вслѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ и, поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку

Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: «Какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка!»
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно. — Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку, провѣдать,
Кто незванные гости; когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
«Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите-жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними

Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый».
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился:«Здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ спросу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого ни нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ». Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: Милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы и какъ васъ зовутъ? Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода; а платы не требуемъ: воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце. —
Бѣлая-шубка учтиво отвѣтствовалъ: «Царская воля

Будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго». Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая-шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ, ибо не вѣдалъ, доброе-ль, злое-ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза навыкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая-шубка,
Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,
Края, ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось. —
Бѣлая-шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: Разскажи намъ
Кто ты, кто твой отецъ, кто мать, и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда, не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;

Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами. —
«Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая-шубка,
Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ трети ветчинни
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью бѣлую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію Хватъ. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю взапуски; я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной

Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка.
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы;
Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровёнъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно,
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: Ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ — добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу; а я давай Богъ ноги, но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь болѣ себя онъ запутывалъ. Видишь,
Левъ-государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ

Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.
Важно кивнулъ головою косматой, и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я Хватомъ, и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою овца, съ овцою голодный
Волкъ, собака съ волкомъ; съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ
Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подчасъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ,
Мудрый крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ

Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ; а въ несчастьи не хмурюсь».
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали? —
«Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшоткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ

Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они; но только что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза навыкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, и друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,

Всѣ попа̀дали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышонкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-накрѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носикъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой

Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья,
Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый

Сторожъ — пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка:
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ; тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ. —
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска —
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный

Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу

Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ, вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ недобрый, и шкура цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать, и вотъ что прочелъ онъ:

«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка;
Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ,
Радуйся наше подполье!» . . . Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать . . . Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцат изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ, у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки, царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки,
Царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу, но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.
. . . .

Котъ въ сапогахъ

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ и умеръ.
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И . . . только. Мельницу взялъ старшій сынъ,

Осла взялъ средній; а меньшому дали
Кота. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. Братья, разсуждалъ онъ,
Сложившись, будутъ безъ нужды; а я,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный? — Такъ онъ вслухъ,
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;
А котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: Хозяинъ, не печалься;
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я
Ходить за дичью по болоту — самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой. — Хотя и не совсѣмъ
Былъ убѣжденъ котомъ своимъ хозяинъ,
Но ужъ не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ
То мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапкахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мѣшокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею котъ
Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мѣшку покушать сладкой
Трухи; и онъ недолго ждалъ; какъ разъ
Передъ мѣшкомъ его явился глупый,

Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ ноздрями,
Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а котъ проворно
Мѣшокъ стянулъ снуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.
Побѣдою довольный, во дворецъ
Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,
Чтобы о немъ немедля доложили.
Велѣлъ ввести кота въ свой кабинетъ
Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ;
Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
Я кролика, великій государь,
Отъ моего принесъ вамъ господина,
Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ
Назвать хозяина); имѣетъ честь
Онъ вашему величеству свое
Глубокое почтенье изъявить,
И проситъ васъ принять его гостинецъ. —
Скажи маркизу, отвѣчалъ король,
Что я его благодарю, и что
Я очень имъ доволенъ. — Королю
Откланявшися, котъ пошелъ домой;
Когда жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ
Вставали передъ нимъ и жали лапу
Ему съ улыбкой, потому что онъ
Былъ въ кабинетѣ принятъ королемъ
И съ нимъ наединѣ (и ужъ конечно
О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго
Бесѣдовалъ; а котъ былъ такъ учтивъ,
Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,
И думали, что жизнь свою провелъ
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю котъ,
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ;
И ихъ немедленно онъ къ королю,
Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего маркиза Карабаса.

Охотникъ былъ король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
Кота, и перепелокъ самъ принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. И такъ нашъ котъ
Недѣли три, четыре къ королю
Отъ имени маркиза Карабаса
Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что король
Сбирается прогуливаться въ полѣ
Съ своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ), и что они
Поѣдуть берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
Сиди себѣ въ водѣ, да полоскайся,
Да ни о чемъ не хлопочи. — Такой
Совѣтъ принять маркизу Карабасу
Не трудно было; день былъ жаркій; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влѣзъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по-горло.
А въ это время былъ король ужъ близко.
Вдругъ началъ котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, народъ! — Что сдѣлалось? подъѣхавъ,
Спросилъ король. «Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили въ рѣку;
Онъ тонетъ». — Тутъ, по слову короля,
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Всѣ кинулись ловить въ водѣ маркиза.
А королю котъ на ухо шепнулъ:
«Я долженъ вашему величеству донесть,
Что бѣдный мой маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;
Разбойники все платье унесли

(А платье самъ мошенникъ спряталъ въ кустъ).
Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ снялъ
Съ себя мундиръ и далъ его маркизу.
Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза же въ его мундиръ одѣли;
И котъ его представилъ королю;
И королемъ былъ ласково онъ принятъ.
А такъ какъ онъ красавецъ былъ собою,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундиръ
(Хотя на немъ и не совсѣмъ въ обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому что брюхо было
У королевскаго министра) видъ
Ему отличный придавалъ — короче,
Маркизъ понравился; и сѣсть съ собой
Въ коляску пригласилъ его король;
А смѣтливый нашъ котъ во всѣ лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбиравшихъ сѣно; котъ имъ закричалъ:
Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
Ему не скажете, что этотъ лугъ
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасный лугъ
Принадлежитъ? — Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари
(Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный котъ).
Богатые луга у васъ, маркизъ,
Король замѣтилъ. А маркизъ, смиренный
Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга
Изрядные. — Тѣмъ временемъ поспѣшно
Впередъ ушедшій котъ увидѣлъ въ полѣ
Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ

Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король проѣхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? Онъ
Спросилъ жнецовъ. — Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: маркизъ, у васъ
Богатыя поля. Маркизъ на то
По-прежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А котъ бѣжалъ впередъ
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами маркиза Карабаса.
Вотъ, наконецъ, въ великолѣпный за̀мокъ
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ за̀мкѣ людоѣдъ
Волшебникъ жилъ, и котъ о немъ ужъ зналъ
Всю подноготную; въ минуту онъ
Смекнулъ, что дѣлать: въ за̀мокъ смѣло
Вошелъ, онъ попросилъ у людоѣда
Аудіенціи, и людоѣдъ,
Принявъ его, спросилъ: «Какую нужду
Вы, котъ, во мнѣ имѣете?» На это
Котъ отвѣчалъ: Почтенный людоѣдъ,
Давно слухъ носится, что будто вы
Умѣете во всякій превращаться,
Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы
Узнать я, подлинно-ль такая мудрость
Дана вамъ? «Это правда; сами, котъ,
Увидите». И мигомъ онъ явился
Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой гривой,
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что (хоть былъ и въ сапогахъ)
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоѣдъ, захохотавши принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли котъ

Сказалъ: хотѣлось бы однако знать мнѣ,
Вы можете-ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ напримѣръ, въ мышонка превратиться?
«Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоѣдъ,
Что-жъ тутъ мудренаго»? — И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышонкомъ. Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ — цапъ! и съѣлъ мышонка.
Король тѣмъ временемъ, подъѣхалъ къ замку.
Остановился и хотѣлъ узнать,
Чей былъ онъ. Котъ же, разсчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ,
И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
Не будетъ ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутьи въ замокъ
Къ маркизу Карабасу? — Какъ, маркизъ,
Спросилъ король и этотъ замокъ вамъ же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ. —
И приказалъ король своей коляскѣ
Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ-жъ руку предложилъ маркизъ;
И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покой. Тамъ въ пространной галлереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ
(На этотъ полдникъ людоѣдъ позвалъ
Пріятелей; но тѣ, узнавъ, что въ замкѣ
Король былъ, не вошли и всѣ домой
Отправились). И сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у короля
Вино позашумѣло, онъ маркизу
Сказалъ: хотите ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ? — Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмигъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся

Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплинъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

Сказка о Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ

Давнымъ давно былъ въ нѣкоторомъ царствѣ
Могучій царь, по имени Демьянъ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ-царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ, наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ-царевичъ и Иванъ
Царевичъ! должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ,
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня-жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья:
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночнаго вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда-жъ умру, и все ему оставлю

Въ наслѣдство. — Сыновья, услышавъ то,
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся, во весь зѣвая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ-царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ, и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ также,
Какъ Климъ-царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ, по очереди, вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ, когда настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло,
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ-царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день-преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ-царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышетъ, ждетъ,
Что будетъ? Сѣвъ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась, и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ-царевичъ,

Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ-царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ-царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его расцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
По-прежнему ѣсть, пить и спать. Но въ немъ
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблокъ чудную жаръ-птицу.
Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ: Климъ-царевичъ
И Петръ-царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощью Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ-жъ, царю, достаньте
Жаръ-птицу; кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство. — Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ-царевичъ и сказалъ:
Родитель мой, великій государь

Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ царю я угодить
Желалъ бы, для тебя доставъ жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ
Богомъ. —
На это царь сказалъ: Иванъ-царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ, ужъ мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство? — Но Иванъ-царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь
И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ-царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьи томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбѣ такую надпись: «кто
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И голоденъ и холоденъ; кто вправо
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ; а влѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ». Вправо,
Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ-царевичъ. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса сѣрый волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ-царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужъ конь заѣденъ,
И сѣрый волкъ пропалъ. Иванъ-царевичъ,
Повѣсивъ голову пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
По-прежнему явился сѣрый волкъ

И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
«Мнѣ жаль, Иванъ-царевичъ, мой сердечный,
Что твоего я добраго коня
Заѣлъ, но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Что на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако-жъ ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?»
И сѣрому Иванъ-царевичъ волку
Все разсказалъ. А сѣрый волкъ ему
Отвѣтствовалъ: Гдѣ отыскать жаръ-птицу, —
Я знаю; ну, садися на меня,
Иванъ-царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ, и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.
«Пріѣхали, Иванъ-царевичъ! волкъ
Сказалъ; но слушай, въ клѣткѣ золотой
За этою оградою виситъ
Жаръ-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько, клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду». Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ жаръ-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ. Вынувъ
Изъ клѣтки золотой жаръ-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее везти?
И позабывъ, что сѣрый волкъ ему
Совѣтовалъ, взялъ клѣтку; но отвсюду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь (онъ назывался
Далматомъ) такъ сказалъ: откуда ты?

И кто ты? — Я Иванъ-царевичъ; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичъ владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жаръ-птица по ночамъ летать въ нашъ садъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть
Тамъ яблоки: за ней меня послалъ
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ. — На это царь
Далматъ сказалъ: Царевичъ ты иль нѣтъ,
Того не знаю я; но, если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далматъ, жаръ-птицу;
И я тебѣ ее руками-бъ отдалъ
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай: я тебѣ мою жаръ-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство,
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня-золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда-жъ ко мнѣ съ конемъ не возвратишься,
То по всему разславлю свѣту я,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ. —
Повѣсивъ голову, Иванъ-царевичъ
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ сѣрый волкъ
Оставленъ. Сѣрый волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ-царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону. —
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы

Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ царство
Царя Афрона прибыли они,
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились. — Ну, Иванъ-царевичъ,
Послушай, сѣрый волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюхи спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь въ бѣду. —
Въ конюшню царскую Иванъ-царевичъ
Вошелъ и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею, такъ что позабылъ
Совѣтъ о томъ, что сѣрый волкъ сказалъ.
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюхи вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ-царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ-царевичъ то-жъ въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Далмату. Царь
Афронъ отвѣтствовалъ: Хорошій ты
Царевичъ! такъ ли должно поступать
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйную бы могъ
Снять голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поѣзжай за тридевять земель
Ты въ тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мнѣ царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима; если-жъ мнѣ
Ея не привезешь, то я вездѣ разславлю,
Что ты ночной бродяга, плутъ и воръ. —
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ

Туда Иванъ-царевичъ, гдѣ его
Ждалъ сѣрый волкъ. И сѣрый волкъ сказалъ:
Ой ты, Иванъ-царевичъ! если-бъ я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридевять земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужъ дѣло. —
И сѣрый волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужъ тридевять земель,
И вотъ они ужъ въ тридесятомъ царствѣ;
И сѣрый волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты-жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ. — Сѣрый волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться въ садъ; а сѣрый волкъ
Того и ждалъ: примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляся, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, камергеры,
И генералы; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ — все напрасно:
Ужъ сѣрый волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко, и слѣдъ
Давно простылъ; царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана

Царевича въ рукахъ (такъ сѣрый волкъ
Ее сердечную перепугалъ).
Вотъ по-немногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла, и совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ, и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ-царевичъ,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба — службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афрона. Сѣрый волкъ сказалъ:
Иванъ-царевичъ, здѣсь должны умненько
Мы поступить: я превращусь въ царевну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай и, получивъ
Коня-золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь въ скрытномъ мѣстѣ; ждать же вамъ
Не будетъ скучно. — Тутъ, ударясь о земь,
Сталъ сѣрый волкъ царевною Еленой
Касимовной. Иванъ-царевичъ, сдавъ
Его съ рукъ на руки царю Афрону,
И получивъ коня-золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлой пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала

Царевна. Во дворцѣ-жъ царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ невѣстой царь къ вѣнцу
Пошелъ; когда же ихъ перевѣнчали,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ; сѣрый волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться: онъ сбилъ хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прянулъ въ двери.
Всѣ принялись кричать:
Лови, лови! — Куда ты? Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Давно догналъ проворный сѣрый волкъ;
И ужъ, сошедъ съ коня-золотогрива,
Иванъ царевичъ пересѣлъ на волка,
И ужъ впередъ они опять, какъ вихри,
Летѣли. Вотъ пріѣхали и въ царство
Далматово они. И сѣрый волкъ
Сказалъ: теперь въ коня-золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ-царевичъ,
Меня отдавъ царю и взявъ жаръ-птицу,
По-прежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ.
Такъ все и сдѣлалось, какъ волкъ устроилъ.
Немедленно велѣлъ золотогрива
Царь осѣдлать, и выѣхалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ поскакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
Какъ молодецки скачетъ царь Далматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ и царь Далматъ,
Перекувырнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою внизъ,

Ногами вверхъ, и, по плеча ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками, и напрасно силясь
Освободиться, въ воздухѣ болталъ
Ногами; вся къ нему тутъ свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ принялися громко
Кричать: лови, лови! трави, трави!
Но было некого травить; на волкѣ
Уже по-прежнему сидѣлъ Иванъ
Царевичъ; на конѣ-жъ золотогривѣ
Царевна и подъ ней золотогривъ
Гордился и плясалъ; не торопясь,
Большой дорогою они шажкомъ
Тихонько ѣхали; и мало-ль, долго-ль
Ихъ длилася дорога — наконецъ,
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичъ сѣрымъ волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлѣющія кости;
И сѣрый волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу: теперь, Иванъ-царевичъ,
Пришла пора другъ друга намъ покинуть;
Я вѣрою и правдою донынѣ
Тебѣ служилъ и ласкою твоею
Доволенъ, и, покуда живъ, тебя
Не позабуду; здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
Будь остороженъ, люди злы; и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичъ. — Съ этимъ словомъ волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ-царевичъ
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ жаръ-птицей въ клѣткѣ за плечами, далѣ
Поѣхалъ на конѣ-золотогривѣ,

И ѣхали они дня три, четыре;
И вотъ, подъѣхали къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ; увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли . . . кто же? Климъ
И Петръ царевичи. Иванъ-царевичъ
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Царевича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ жаръ-птицей,
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получитъ
Полцарства по пріѣздѣ; а когда
Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наслѣдство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій принявши, пригласили
Они въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ-царевичъ, долгой
Дорогой утомленный, легъ и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали
Злодѣи братья: мигомъ острый мечъ
Они ему вонзили въ грудь, и въ полѣ
Его оставили, и взявъ царевну,
Жаръ-птицу и коня-золотогрива,
Какъ добрые, отправилися въ путь.
А между тѣмъ недвижимъ, бездыханенъ,
Облитый кровью, на полѣ широкомъ
Лежалъ Иванъ-царевичъ. Такъ прошелъ
Весь день; уже склоняться начинало
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ вороненкомъ

Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный воронъ. — Вдругъ
Откуда ни возьмись, явился сѣрый
Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,
На помощь подоспѣлъ; еще-бъ минута,
И было-бъ поздно. Угадавъ, какой
Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
Ему на мертвое спуститься тѣло;
И только тотъ спустился, разомъ цапъ
Его за хвостъ; закаркалъ старый воронъ.
Пусти меня на волю, сѣрый волкъ,
Кричалъ онъ. — Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
Пока не принесетъ твой вороненокъ
Живой и мертвой мнѣ воды. — И воронъ
Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сынъ полетѣлъ, а сѣрый волкъ, отца
Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
Сталъ разговаривать, и старый воронъ
Довольно могъ ему поразсказать
О томъ, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
Его съ большимъ вниманьемъ сѣрый волкъ,
И мудрости его необычайной
Дивился, но однако все за хвостъ
Его держалъ и иногда, чтобъ онъ
Не забывался, мялъ его легонько
Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда съ живой водой и мертвой
Въ двухъ пузырькахъ проворный вороненокъ
Явился. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки
И ворона отца пустилъ на волю.
Потомъ онъ съ пузырьками подошелъ
Къ лежавшему недвижимо Ивану
Царевичу: сперва его онъ мертвой
Водою вспрыснулъ — и въ минуту рана
Его закрылася, окостенѣлость

Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
Румянецъ на щекахъ; его онъ вспрыснулъ
Живой водой — и онъ открылъ глаза,
Пошевелился, потянулся, всталъ
И молвилъ: какъ-же долго проспалъ я? —
И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
Царевичъ, сѣрый волкъ сказалъ, когда-бъ
Не я; теперь тебѣ прямую службу
Я отслужилъ; но эта служба, знай,
Послѣдняя; отнынѣ о себѣ
Заботься самъ; а отъ меня прими
Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу.
Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
На свѣтѣ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ; и твой родитель
И подданные всѣ его теперь
Непробудимо спятъ; твою-жъ царевну
Съ жаръ-птицей и конемъ-золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей; всѣ трое
Заключены въ его волшебномъ замкѣ.
Но ты, Иванъ-царевичъ, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти никакой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
Есть у царевны; выйти-жъ ей изъ замка
Нельзя; ее избавитъ только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю; объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
Иванъ-царевичъ, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору, живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
Никто слѣда не пролагалъ; въ него
Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба

Яга по цѣлой поднебесной въ ступѣ,
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ-царевичъ,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать.
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ:
Придешь на лугъ зеленый; посреди
Его растутъ три дуба; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь и внизъ по лѣстницѣ сойди;
Тамъ за двѣнадцатью дверями запертъ
Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
Возьми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
Иванъ-царевичъ; если Богъ велитъ
Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ. —
И сѣрый волкъ помчался къ лѣсу; вслѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ-царевичъ съ грустью;
Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,
Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ-царевичъ,
Оборотившись на востокъ лицомъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная-жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.

И вдругъ онъ слышитъ, конь заржалъ, и ржанье
Такъ было сильно, что съ петлéй сорвавшись,
Дверь наземь рухнула съ ужаснымъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ-давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ-царевичъ свистнулъ;
Почуявъ сѣдока, на молодецкій
Свистъ богатырскій конь изъ стойла прянулъ,
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива; словомъ, конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ-царевичъ по спинѣ его
Повелъ рукой, и подъ рукой могучей
Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю;
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: Добрый витязь,
Иванъ-царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу. —
Иванъ-царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ и взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы;
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ;
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,

Летя стрѣлой, и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.
Но такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ,
Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ
Ручьями, весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ-царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;
Ужъ было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ-царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ . . . и что же?
Два лѣшіе дерутся на дорогѣ,
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ-царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
Ребята, дѣло стало? — Вотъ за что,
Сказалъ одинъ: три клада намъ достались:
Драчунъ-дубинка, скатерть-самобранка,
Да шапка-невидимка — насъ-же двое;
Какъ поровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка; ты,
Разумный человѣкъ, подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить? — А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ; пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста-жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь въ запуски ко мнѣ: кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны-ль вы? — Согласны, закричали
Рогатые, и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ-царевичъ. Лѣшіе за ней
Помчались, выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ-царевичъ, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя

Надѣлъ спокойно шапку-невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ
Поѣхавъ, глупымъ лѣшіямъ оставивъ
На произволъ, начать-ли снова драку,
Иль помириться. Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ-царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ,
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живаго ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучій топотъ конскій. Наконецъ,
Иванъ-царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: Избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задо̀мъ, ко мнѣ
Стань передо́мъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился
На всѣ четыре стороны, потомъ
Какъ должно поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, уперши ноги въ потолокъ
И въ уголъ голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она сказала: Фу! фу! фу!
Какое диво! русскаго здѣсь духу
До этихъ поръ не слыхано слыхо́мъ,
Не видано видо́мъ, а нынче русскій
Духъ ужъ въ очахъ свершается. Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ-царевичъ?
Неволею иль волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,

Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ.
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичъ? — Ахъ, безмозглая ты вѣдьма!
Сказалъ Иванъ-царевичъ Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ разспрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила
И напоила, да и тотчасъ спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:
Спи, добрый витязь; утро мудренѣе,
Чѣмъ вечеръ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду-жъ свою разскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу. —
Иванъ-царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ и проспалъ до полудня. Вставши,
Умывшися, одѣвшися, онъ Бабѣ
Ягѣ подробно разсказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:
Ахъ! добрый молодецъ, Иванъ-царевичъ,
Затѣялъ ты нешуточное дѣло;
Но не кручинься, все уладимъ съ Богомъ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: на̀ морѣ на Окіанѣ,
На островѣ великомъ на Буянѣ,
Есть старый дубъ; подъ этимъ старымъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заяцъ;
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми

И съ нимъ ступай къ Кощею, а когда
Въ его пріѣдешь замокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатиголовый входъ
Въ тотъ замокъ стережетъ; ты съ этимъ змѣемъ
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть: она его уйметъ;
А ты, надѣвши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному; въ минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Даниловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ-царевичъ; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ;
Когда-жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ. — Иванъ-царевичъ
Простившись съ Бабою-Ягою, сѣлъ
На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнулъ, конь помчался,
И скоро лѣсъ дремучій за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море-Океанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю-Океану
Иванъ-царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачій неводъ
И что въ томъ неводѣ морская щука
Трепещется. И вдругъ ему та щука
По-человѣчьи говоритъ: Иванъ
Царевичъ, вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся. —
Иванъ-царевичъ, тотчасъ просьбу щуки
Исполнилъ, и она, хлестнувъ хвостомъ

Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ-царевичъ
Въ недоумѣніи; на самомъ краѣ,
Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося,
Онъ видитъ, длинной полосою островъ
Буянъ чернѣетъ: онъ и не далёкъ,
Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
Заговорилъ: О чемъ, Иванъ-царевичъ,
Задумался? О томъ ли, какъ добраться
Намъ до Буяна-острова? Да что
За трудность? Я тебѣ корабль: сиди
На мнѣ, да крѣпче за меня держись.
Да не робѣй, и духомъ доплывемъ. —
И въ гриву конскую Иванъ-царевичъ
Рукою впутался, крутыя бедра
Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь
Разсвирѣпѣлъ и, разскакавшись, прянулъ
Съ крутаго берега въ морскую бездну;
На мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь и вынырнулъ могучій
Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;
И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вкругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась и брызгами взлетала
Морская зыбь и сильными прыжками,
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею;
И скоро онъ до острова-Буяна
Доплылъ и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбѣжалъ, покрытый пѣной.
Не сталъ Иванъ-царевичъ медлить; онъ,
Коня пустивъ по шолковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую

Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ дубу,
Который росъ у берега морскаго
На высотѣ муравчатаго холма.
И къ дубу подошелъ, Иванъ-царевичъ
Его шатнулъ рукою богатырской,
Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ — дубъ скрыпнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе —
Дубъ покачнулся, и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю; тутъ Иванъ царевичъ
Всей силою рванулъ его — и съ трескомъ
Онъ повалился, изъ земли коренья
Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ-царевичъ кованый сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбилъ замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ-царевичъ
И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрякавъ, кувыркнулась утка,
И изъ нея вдругъ выпало яйцо —
И прямо въ море, и пошло какъ ключъ
Ко дну. Иванъ-царевичъ ахнулъ; вдругъ
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлестнувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла, и къ берегу съ яйцомъ во рту
Тихохонько приблизясь, на пескѣ
Яйцо оставила, потомъ сказала:
Ты видишь самъ теперь, Иванъ-царевичъ,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась. —
Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ

Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій
Съ Буяна острова на твердый берегъ
Его обратно перенесъ. И далѣ
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ; на высотѣ которой
Кощеевъ за̀мокъ былъ; ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двѣнадцатиголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, шесть не спали, днемъ
И ночью по два раза для надзора
Смѣняясь; а въ виду воротъ желѣзныхъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ: змѣй подымался и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья; онъ
Былъ невредимъ, и только самъ себя
Могъ умертвить, чужая-жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ: онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горѣ со стороны
Противной воротамъ, въ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ; потихоньку
Иванъ-царевичъ въ шапкѣ невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ
Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя храпѣли. Тутъ
Иванъ-царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ ей: начинай! Не стала долго
Дубинка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда, сюда бросаться; а дубинка

Его себѣ колотитъ да колотитъ;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить — анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать — она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто на показъ,
Гуляетъ и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дубинку
Попробуетъ — она тогда его
Честитъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ;
Змѣй въ изступленіи, какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю — все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ;
Змѣй, наконецъ, озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя, и когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на двое, и съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ.. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичъ ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ
Царевичъ, у воротъ коня оставивъ,
И разостлавши скатерть-самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой-невидимкой,
Съ дубинкою на всякій случай и съ яйцомъ
Въ Кощеевъ замокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы.

Вотъ, наконецъ, добрался и до замка
Кощеева Иванъ-царевичъ. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалеко
Играютъ гусли-самогуды; въ садъ
Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку-невидимку снявши,
Онъ тотчасъ ей явился и рукою
Знакъ подалъ, чтобъ она молчала. Ей
Потомъ онъ на ухо шепнулъ: Я смерть
Кощееву принесъ; ты подожди
Меня на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
Царевичъ, снова шапку невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ идти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ замкѣ,
Но онъ и самъ пожаловалъ. Приблизясь,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: Иванъ
Царевичъ твой къ тебѣ ужъ не придетъ;
Его ужъ намъ не воскресить. Но чѣмъ-же
Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно-жъ
Упрямиться, упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужъ я . . . Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичъ: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бѣшеный, коверкаться и прыгать
Онъ началъ, а Иванъ-царевичъ, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: Прибавь,
Прибавь, дубинка; по дѣломъ ему
Собакѣ; не воруй чужихъ невѣстъ;
Не докучай своею волчьей харей

И глупымъ сватовствомъ своимъ прекраснымъ
Царевнамъ; злаго сна не наводи
На царства! крѣпче бей его, дубинка.
«Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Кощей,
Кто ты таковъ?» А вотъ кто! отвѣчалъ
Иванъ-царевичъ, шапку-невидимку
Снявъ съ головы своей, и въ то-жъ мгновенье
Ударилъ ȍземь онъ яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей-безсмертный
Перекувырнулся и околѣлъ.
Иванъ-царевичъ изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жаръ-птицу и коня-золотогрива.
Когда-жъ они съ крутой горы спустились,
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ —
Упала съ зȁмкомъ и на мѣстѣ томъ
Явилось озеро, и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ, давъ
Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть-самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:
На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шолковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Свѣтила имъ жаръ-птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ;
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Каталися по бархатному лугу,

Или траву росистую щипали,
Иль голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ-дорогой,
И, наконецъ, пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они не проѣзжали, все
Тамъ спало: на́ полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близъ нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ въ конемъ и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
На деревахъ листы дремали молча,
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ; люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ-царевичъ напослѣдокъ прибылъ
Съ царевною Еленою прекрасной,
И на широкій взъѣхавъ царскій дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ-царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
Прошелъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ

Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ-царевичъ;
Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ
Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ во рту
Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, уставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ-царевичъ, подошелъ съ царевной
Еленою прекрасною къ царю,
Сказалъ: играйте, гусли-самогуды;
И заиграли гусли-самогуды . . .
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не былъ прерванъ пиръ.
А царь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ-царевичъ,
Его любимый сынъ, едва совсѣмъ
Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
И цѣловалъ его и миловалъ,
И, напослѣдокъ, такъ развеселился,
Что руки въ боки, и пошёлъ плясать
Съ царевною Еленою прекрасной.
Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ
Столицѣ возвѣстить, что возвратился
Иванъ-царевичъ, что ему полцарства
Теперь же уступаетъ царь Демьянъ

Даниловичъ, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленою свершится
Въ придворной церкви и что царь Демьянъ
Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, статскихъ,
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
Купцовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море;
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
«Да здравствуетъ нашъ государь Демьянъ
Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью царевной
Еленою прекрасною!» всѣ зданья
Столицы дрогнули и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости — вся его столица;
Въ домахъ осталися одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть-самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами и столы
По улицамъ въ два ряда протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло — хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ

Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ: уха, какъ жидкій
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кострюляхъ
Огромножирныя, длиною въ сажень
Изъ Волги стерляди, на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ груздями гуси, каша
Съ сметаною, блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское, и всякія наливки —
Короче молвить, скатерть-самобранка
Такъ отличалася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царскій столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція — дубинка молодецки
За всѣхъ одна служила; во дворцѣ
Держала караулъ; она-жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала въ спину прямо
На съѣзжую; кого-жъ въ пустомъ гдѣ домѣ
За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что отъ воровства
Навѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели; дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ,
Все во дворцѣ кипѣло, гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли-самогуды
Явили все усердіе свое:

При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужъ музыки наслушались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козлы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливрей
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
«Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ графской
Короною». Въ карету заглянувъ,
Иванъ-царевичъ закричалъ: да это
Мой благодѣтель, сѣрый волкъ! Его
Встрѣчать бѣго́мъ онъ побѣжалъ. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ; Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гостя высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой

Подвязанная; шолковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью — такъ былъ сѣрый волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ: не только что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И гостя за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшія народомъ,
Яснѣе дня жаръ-птица освѣтила,
И до утра столица пировала.
Былъ ночевать оставленъ сѣрый волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ-царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житьё и увѣрялъ,
Что всякую получитъ честь онъ,
Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получитъ ордена,
И прочее. Подумавъ, сѣрый волкъ

Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить
Да поживать по-царски сѣрый волкъ,
Вотъ, наконецъ, по долгомъ, мирномъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ скончался, на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а сѣрый волкъ
Душою въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, нянчился съ его
Дѣтьми, самъ какъ дитя рѣзвился съ ними,
Меньшимъ разсказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья,
Вотъ, напослѣдокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ послѣдовалъ и сѣрый волкъ
Въ могилу. Но въ его нашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку въ лѣсу и въ свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ разсказъ.

БАЛЛАДЫ

Ивиковы журавли
(Изъ Шиллера)

На Посидоновъ пиръ весёлый[1]),
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ[2]):
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокориноъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ . . .
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

«О, спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: прости! родной странѣ,

---

[1]) Подъ словомъ «Посидоновъ пиръ» разумѣются здѣсь «игры истмійскія», которыя отправляемы были на перешейкѣ (Истмѣ) Коринѳскомъ, въ честь Посидона (Нептуна). Побѣдители получали сосновые вѣнцы. Гела, Элла, Эллада — имена древней Греціи.
В. Ж.

[2]) Аполлонъ — Богъ солнца и покровитель искусствъ.

Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничей главы».

И съ твердой вѣрою въ Зевеса[1])
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой . . .
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ . . .
Лишь эхо стоны повторяетъ —
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья,
Ни отъ боговъ, ни отъ людей».

И онъ боролся ужъ съ кончиной . . .
Вдругъ . . . шумъ отъ стаи журавлиной . . .
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!»

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты-ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,

[1]) Зевсъ — главное божество у древнихъ грековъ.

Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ».

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперстникъ Аполлона . . .
Вся Грецiя поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ окружилъ народъ,
И вопитъ: «старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ;
И кто-жъ — разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Гелiосъ то зрѣлъ священный[1]),
Все озаряющiй съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальныхъ странъ
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы,
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

---

[1]) Гелiосъ имя солнца у грековъ. — В. Ж.

И кто сочтетъ разнопленныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ . . .
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ[1]).

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружонъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ,
Ихъ мертвы лица, очи впалы,
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движатъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эриній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

---

[1]) Хоръ Эвменидъ (Эринній, Фурій). Сіи богини, дщери Нощи и Ахерона, открывали тайныя преступленія, преслѣдовали виновныхъ и мстили имъ на землѣ и въ адѣ. В. Ж.

«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ . . .
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

«Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами;
И спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита[1]),
Но не покинемъ васъ и тамъ».

И пѣснь ужасныхъ замолчала,
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель, зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ,
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

---

[1]) Коцитъ — (рѣка плача) въ греч. миѳологіи притокъ Ахеронта, рѣки подземнаго царства тѣней,

И все, и все еще въ молчаньѣ . . .
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Пароеній, слышишь? . . . Крикъ вдали,
То Ивиковы журавли! . . .»
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ . . . черной полосою
Станица журавлей летитъ.

«Что? Ивикъ! . . .» Все поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста . . . шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ добрый Ивикъ! нашъ, сраженной
Врагомъ незнаемымъ, поэтъ! . . .
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полётъ?»

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!»

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была имъ приговоръ.

Свѣтлана
(А. А. Воейковой)

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.
Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое:
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ».
— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далёко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,

Имъ лишь сердце дышетъ . . .
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель. —
Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой —
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою,
Упадетъ съ дверей запоръ,
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою».
Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится,
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ, кругомъ
Мертвое молчанье,
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье . . .
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи . . .
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.
Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ . . .
Вотъ . . . легохонько замкомъ

Кто-то стукнулъ слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами . . .
Занялся отъ страха духъ . . .
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»
Оглянулась . . . милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками,
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ,
Храмъ блеститъ свѣчами».
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.
Сѣли . . . кони съ мѣста въ разъ,
Пышутъ дымъ ноздрями,
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ . . . пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы,
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ,
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ,
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,

Блѣденъ и унылый.
Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій . . .
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ,
Тьма людей во храмѣ,
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ,
На срединѣ черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ,
Кони мимо, другъ молчитъ
Блѣденъ и унылой.

Вдругъ метелица кругомъ,
Снѣгъ валитъ клоками,
Черный вранъ свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ,
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ

Вотъ примчалися . . . и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ,

Вкругъ метель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ . . .
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ . . .
Дверь шатнулася . . . скрипитъ . . .
Тихо растворилась.

Что-жъ? . . . въ избушкѣ гробъ накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ,
Свѣчка предъ иконой . . .
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ,
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
И, съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло . . . вьюги нѣтъ . . .
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится . . .
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье . . .
Чу, Свѣтлана! . . . въ тишинѣ
Легкое журчанье . . .
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ. . .
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится . . .
Сорвался покровъ, мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь — на лбу вѣнецъ,
Затворёны очи.
Вдругъ . . . въ устахъ сомкнутыхъ стонъ . . .
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы . . .
Что же дѣвица? . . . Дрожитъ . . .
Гибель близко . . . но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ . . .
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами . . .
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась . . .
Глядь, Свѣтлана . . . о, Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ,
Ахъ! . . . и пробудилась.

Гдѣ жъ? . . . У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ . . . Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.

«Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ —
    Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
    Радость иль кручину?»

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
    Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
    Видѣнъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
    Паръ алѣетъ тонкій . . .
Чу! . . . вдали пустой гремитъ
    Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ какъ будто на крылахъ,
    Санки кони рьяны;
Ближе, вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ . . .
    Кто? . . . Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
    Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
    Въ опытѣ разлуки;
Та-жъ любовь въ его очахъ,
    Тѣ-жъ пріятны взоры;
Тѣ-жъ на сладостныхъ устахъ
    Милы разговоры.
Отворяйся-жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
    Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ,
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
    Пойте: многи — лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу,
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава — насъ учили — дымъ,
Свѣтъ — судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье,
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана . . .
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо — бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

Эолова арфа

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя за́мокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы

Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ оленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Оленей рогами;
И въ память отцамъ,
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ,
Мечи ихъ зубчаты,
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье —
Пріятность рѣчей,
Какъ роза — дыханье,
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ . . .
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза — утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный . . .
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ . . .
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ. —

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна,
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ зáмка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ,

Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ,
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
«Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ,
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ».

— Что-жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О, вѣрный! о, милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.
«Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ,
Ты-жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ».

— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О, милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?

Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.

«Минутная сладость
Веселаго вмѣстѣ, помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
Навѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница —
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ».

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о, милый — съ тобой!

«Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ».
— О, нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.

«Ужъ въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ».
— О, нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.
«Заря ужъ багряна».
— О, милый, постой.
«Минвана, Минвана,
Почто-жъ замираетъ такъ сердце тоской?»

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

«Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

«И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

«Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай».

Умолкъ — и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ . . .
Какъ бы неизвѣстный

Въ немъ голосъ: «навѣки прости!» говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ . . .

Луна возсіяла . . .
Минвана у древа . . . но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ.
Молва о свиданьѣ
Достигла отца . . .
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана грустить.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ —
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній, въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ . . . но арфа молчитъ. —
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день:
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;

Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа . . . душой вдалекѣ . . .
И тихо все было . . .
Вдругъ . . . къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы,
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты . . .

И вдругъ . . . изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось! . .
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда-жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

«О, милыя струны,
Играйте, играйте . . . мой часъ не далекъ;
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой? . . . и болѣ цвѣтка не найдетъ».

И нѣтъ ужъ Минваны . . .
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Слiявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни . . .
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Мщенiе
(Изъ Уланда)

Измѣной слуга паладина[1]) убилъ:
Убiйцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убiйство ночною порой —
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры, и латы убiйца надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока —
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

---

[1]) Паладинъ — рыцарь, состоявшiй въ свитѣ короля или князя.

Гаральдъ
(Изъ Уланда)

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ,
Что зыблется въ листахъ,
Что налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ;
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То феи . . . въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ;
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,

При свѣтѣ полныя луны,
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей —
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студёной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ,
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ.
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда-жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой —
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Три пѣсни
(Изъ Уланда)

«Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую скальдъ?»[1])
Спросилъ, озираясь, могущій Освальдъ.
И скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

«Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
Тобою, могучій, забыта она;
Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
Та пѣсня: отца моего ты убилъ.

«Есть пѣсня другая: ужасна она,
И мною подъ бурей ночной сложена;

---

[1]) Скальдъ — средневѣковый странствующій пѣвецъ и поэтъ.

Пою ее ранней и поздней порой,
И пѣсня та: бейся, убійца, со мной!»

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо,
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ,
И рухнулъ Освальдъ — голова пополамъ.

«Раздайся-жъ, послѣдняя пѣсня моя;
Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
Та пѣсня: убійца поверженъ въ крови!»

Графъ Габсбургскій

(Изъ Шиллера)

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ,
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ,
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота,
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь[1]), наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
«Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ . . .
Но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу-ль обычай святой —
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ[2]),
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ . . .
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?»

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:

[1]) Кесарь — титулъ римскихъ императоровъ.
[2]) Таларъ — одежда духовнаго лица.

«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

«И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

«Куда? изумившійся графъ вопросилъ.
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ —
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою. —

«И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую

Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье. —

— «Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція[1]) славой сіяетъ твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды».

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы свои, отъ толпы золотой,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ . . .
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

---

[1]) Гельвеція — древнее названіе Швейцаріи.

Лѣсной царь
(Изъ Гёте)

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ:
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ? —
Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
— О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой. —

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои».

Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— О, нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы. —

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять».

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
— О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То вётлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ. —

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ . . .
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Кубокъ

(Изъ Шиллера)

«Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой,
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной».

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы,
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется-ль смѣлый на подвигъ опасной?»

И всѣ безотвѣтны . . . вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ . . .
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
«Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы
И взоръ устремилъ въ глубину . . .

Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ . . .
Не море-ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ —
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло . . . въ ней глухо шумитъ ...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ . . .
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ
со мной!
Меня твой престолъ не прельститъ.

Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ни чья здѣсь душа не разскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина;
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна . . .»
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ . . .
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ . . . что то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной . . .
Мелькнула рука и плечо изъ волны . . .
И борется, споритъ съ волной . . .
И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича —
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ . . .
И каждый съ весельемъ, «онъ живъ!» повторялъ!
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
Спасъ душу живую красавецъ отважной».

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!

Но страшно въ подземной таинственной мглѣ . . .
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, имъ мудро отъ насъ сокровенной.

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда . . .
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихрь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой . . .
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненастный, гіена морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

«И я содрогался . . . вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ . . .
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы! . .
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

Чудесенъ разсказъ показался царю:
Мой кубокъ возьми золотой;
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морскова».

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова».

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ . .
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны . . .

Утихнула бездна . . . и снова шумитъ . . .
И пѣною снова полна . . .
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ . . .

И бьетъ за волною волна . . .
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Поликратовъ[1]) перстень
(Изъ Шиллера)

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
«Сколь щедро взысканъ я богами!
Сколь счастливъ я между царями!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ . . . побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ. —

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
«Побѣдой ты украшенъ новой:
Да обовьетъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ;

Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ».
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! судьба очарованьемъ

---

[1]) Поликратъ — тиранъ острова Самоса въ VI в.

Тебя къ погибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали . . .
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ Фортуна благодѣетъ . . .
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ. —

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой.
«Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами;
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала».

Испуганъ гость нежданой вѣстью . . .
— Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ:
Всѣ блага прочилъ я для сына . . .
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда-жъ въ несчастьи рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ. —

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
«Моимъ избраннымъ достояньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ . . .»
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!»

Царь изъявилъ благоволенье . . .
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьѣ
Съ нежданой вѣстію бѣжитъ:
«Найденъ твой перстень драгоцѣнный,
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ».

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: «бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;

На смерть ты обреченъ судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою . . .»
Сказалъ и разлучился съ нимъ.

Жалобы Цереры[1])

(Изъ Шиллера)

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ:
Все цвѣтетъ — лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины[2]), Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба[3])
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы.
И богамъ ихъ страшенъ видъ . . .
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ[4]).

---

[1]) Церера — у древнихъ богиня плодородія, покровительница земледѣлія.
[2]) Прозерпина — дочь Цереры, похищенная богомъ подземнаго царства Плутономъ.
[3]) Эребъ — въ греческой миѳологіи самая мрачная часть подземнаго міра.
[4]) Аидъ — подземное царство тѣней умершихъ.

Кто-жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона[1]),
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ безрадостно-блаженныхъ,
Парки[2]) строгія щадятъ . . .
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ — гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ — свободной тѣнью
Полетѣла-бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,

---

[1]) Харонъ — перевозчикъ тѣней умершихъ людей черезъ рѣку подземнаго міра Стиксъ.
[2]) Парки — богини судьбы.

И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами-бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать не воленъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида[1])
Не сойдетъ на Ахеронъ[2]).

Нѣтъ-ли-жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь? . .
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна[3]) щедрой

---

[1]) Ирида — богиня радуги, прислуживавшая богамъ и отправляемая ими вѣстницей къ людямъ.
[2]) Ахеронъ — подземная рѣка въ аду.
[3]) Вертумнъ — этрусскій богъ плодородія; изображался въ видѣ юноши съ плодами.

Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба[1]),
Корень Стиксовой струей.

Ими та́инственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей;
Вы тоски моей услада,

---

[1]) Фебъ (Аполлонъ) — богъ солнца.

Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Аврорынымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

Судъ Божій надъ епископомъ

(Изъ Саути)

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

«Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ».
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа до кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края . . .
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: «будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей».

Въ зáмокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ . . .
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ, что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ . . .
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна».

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой зáмокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ».

Ходъ былъ до Рейна отъ зáмка подземной;
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
«Въ реинской башнѣ спасусь!» говоритъ.

Башня изъ реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшотками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится . . .
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ . . . кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка; не весело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣна епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ . . . а мыши плывутъ . . .
Ближе и ближе . . . доплыли . . . ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты . . .
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ . . .
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

Ленора
(Изъ Бюргера)

Ленорѣ снился страшный сонъ;
Проснулася въ испугѣ.
«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
И вѣренъ ли подругѣ?»
Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну;
Никто объ немъ не слышитъ;
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась . . . доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой, пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближнiе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость . . . а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;

Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.
Когда же мимо рать прошла —
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что такъ тебя волнуетъ?
Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»
И дочь свою цѣлуетъ.
— О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ . . .
О, горе мнѣ! о, горе!

«Прости ее, Небесный Царь!
Родная, помолися;
Онъ благъ, его руки мы тварь:
Предъ нимъ душой смирися».
— О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ . . .
Немилостивъ со мною онъ;
Предъ нимъ мой крикъ былъ тщетенъ . . .
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.

«Дитя, отъ жалобъ удержись;
Смири души тревогу;
Пречистыхъ Таинъ причастись,
Пожертвуй сердцемъ Богу.»
— О, другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ,
Ни Тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой.

«Но что, когда онъ самъ забылъ
Любви святое слово,
И прежней клятвѣ измѣнилъ,
И связанъ клятвой новой?
И ты, и ты объ немъ забудь;

Не рви тоской напрасной грудь;
Не стоитъ слезъ предатель;
Ему судья Создатель».

— О, другъ мой, другъ мой, все прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало . . .
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ . . .
О, горе мнѣ! о, горе!

«Небесный Царь, да ей проститъ
Твое долготерпѣнье!
Она не знаетъ, что творитъ:
Ея душа въ забвеньѣ.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведетъ ко благу Божій путь;
Смиренный рай награда;
Страшись мученій ада».

— О, другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ — все небесный рай;
Съ нимъ розно — все мученье;
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая. —

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала . . .
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ . . . какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, вбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо . . .
Въ ней жилки задрожали . . .
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты, иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?»
— Ахъ, милый! . . Богъ тебя принесъ!
А я . . . отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился . . .
Ты какъ здѣсь очутился?

«Сѣдлаемъ въ полночь мы коней . . .
Я ѣду издалека.
Не медли, другъ; сойди скорѣй;
Путь дологъ, мало срока».
— На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тьма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ.

«Что нужды намъ до тьмы ночной!
Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
Часы бѣгутъ; конь борзый мой
Копытомъ землю роетъ;
Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
Не въ пору сонъ и нѣга:
Сто миль намъ до ночлега».

— Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милой?
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:

Одиннадцать пробило.
«Но мѣсяцъ, всталъ, онъ свѣтитъ намъ . . .
Гладка дорога мертвецамъ;
Мы скачемъ, не боимся;
До свѣта мы домчимся».

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ прiютъ укромный?
«Далеко онъ . . . пять, шесть досокъ . . .
Прохладный, тихiй, темный».
— Есть мѣсто мнѣ? «Обоимъ намъ.
Поѣдемъ; все готово тамъ;
Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались . . . конь бѣжитъ, летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
Поля, лѣса летѣли;
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Тряслися и гремѣли.
«Не страшно-ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
«Гладка дорога мертвецамъ! . . .
Да что же такъ дрожишь ты?»
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?»

«Но кто тамъ стонетъ? Что за звонъ?
Что ворона взбудило?
По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
Голóсятъ надъ могилой».
И виденъ ходъ: идутъ, поютъ,

На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
    И голосъ погребальной,
    Какъ вой совы печальной.

«Закройте гробъ въ полночный часъ:
    Слезамъ теперь не мѣсто:
За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
    Зову съ моей невѣстой.
За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
    Намъ дай на обрученье,
    Пасторъ, благословенье».

И звонъ утихъ . . . и гробъ пропалъ . . .
    Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ
    За ними тѣнью черной.
И далѣ, далѣ! . . . конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
    Съ дороги вихри вьются,
    Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
    Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
    Заборы, домы, села.
«Не страшно-ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
«Гладка дорога мертвецамъ! . . .
    Да что же такъ дрожишь ты?»
    — О мертвыхъ все твердишь ты!

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
    Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушный рой, свіясь кольцомъ,
    Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
«Ко мнѣ, за мной, вы плясуны!
Вы всѣ на пиръ приглашены!
    Скачу, лечу жениться . . .
    Ко мнѣ! повеселиться!»

И летомъ, летомъ легкій рой
 Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
 Межъ листьями сухими,
И далѣ, далѣ! . . . конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
 Съ дороги вихри вьются,
 Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
 Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
 Мгновенно пропадало.
«Не страшно-ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
«Гладка дорога мертвецамъ! - . .
 Да что же такъ дрожишь ты?»
 — Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?

«Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ;
 Я чую, ночь свѣжѣе;
Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
 Мой конь, несись быстрѣе . . .
Оконченъ путь; исполненъ срокъ;
Нашъ близко, близко уголокъ;
 Въ минуту мы у мѣста . . .
 Пріѣхали, невѣста!»

Къ воротамъ конь во весь опоръ
 Примчавшись, сталъ и топнулъ;
Ѣздокъ бичемъ стегнулъ затворъ —
 Затворъ со стукомъ лопнулъ;
Они кладбище видятъ тамъ . . .
Конь быстро мчится по гробамъ;
 Лучи луны сіяютъ,
 Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что-жъ, Ленора, что потомъ?
 О страхъ! . . въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ

Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ колета;
Она въ рукахъ скелета.

Конь прянулъ . . . пламя изъ ноздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ . . . все пылью передъ ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ:
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой, летаетъ,
Віясь надъ ней, толпа тѣней,
И такъ ей припѣваетъ:
«Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь;
Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
Твой трупъ сойди въ могилу!
А душу Богъ помилуй!»

Роландъ Оруженосецъ
(Изъ Уланда)

Разъ Карлъ Великій пировалъ;
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокалъ,
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ:[1]
Гремѣлъ пѣвцовъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ,
И гости вдоволь пили, ѣли,
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

---

[1]) Брашна — яства, кушанья.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
«Свершить намъ должно подвигъ трудный,
Прилично-ль веселиться намъ,
Когда еще Артусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его укравшій великанъ
Живетъ въ Арденскомъ лѣсѣ темномъ;
Онъ на щитѣ его огромномъ».

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальныя брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ сказалъ: «возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ
Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою».

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путемъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились,
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ,
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышетъ;
Бодритъ коня; конь ржетъ и пышетъ

И рыщутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ кони

Совсѣмъ ужъ выбились изъ мочи:
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкомъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней
Блеснуло; и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучемъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца,
И мыслитъ: что же ты за диво?
Будить мнѣ для тебя отца,
Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,
И острый мечъ и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцовъ тяжелой:
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ;
И потихоньку удалился,
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣньемъ великанъ спесивый.
«Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,

Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится».

— Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ,
За то за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я — мой конь ученъ;
Пускай я слабъ — мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ; ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу. —

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ въ дребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ;
Оно осталось съ остріемъ,
Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснутъ онъ ножнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струею;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облитый;
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ;
Но по ногамъ въ догонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворной:
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ,
Свистя кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ немъ
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломалъ рукою.

И въ платье скрылъ онъ взятый кладъ;
Потомъ струей ручья лѣснова
Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смылъ кровь и прахъ, и сѣвши снова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путемъ
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался;
Отецъ еще не просыпался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милонъ
Подъ сумерки не пробудился.
«Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай;
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужъ вечеръ; всюду мгла тумана;
Опять не встрѣтимъ великана».

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ
И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ —
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долинѣ той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ виденъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трупъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣритъ онъ: что за причина?
Одно лишь туловище тамъ;

Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободранный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагого;
Слѣдовъ не видно остальнаго.

Трупъ осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
«Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такого чуда:
Чей это трупъ? . . Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой
Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проспалъ честь мою и славу».

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: страшно мнѣ по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Пора-бъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что? . . Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ; и держитъ онъ
Свое копье передъ собою
Съ отрубленною головою.

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Приближась, голову нѣмую
Стряхнулъ съ копья передъ крыльцомъ,
И Карлу такъ сказалъ: «плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался».

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ усталый, блѣдный, тощій.
«Со мною талисмана нѣтъ,
Но вотъ вамъ дорогія мощи».
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была

Рука, обвитая тряпицей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
«Кому достался талисманъ,
Не знаю я; но великанъ
Меня оставилъ въ часъ кончины
Наслѣдникомъ своей дубины».

Шелъ рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановымъ мечемъ
И панцыремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
«Все это съ мертвеца я снялъ;
Мнѣ отъ побѣды мало чести;
О талисманѣ-жъ нѣтъ и вѣсти».

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ паладинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подъѣхавъ, говоритъ:
«Въ лѣсу нашелъ я этотъ щитъ;
Но обманулся я въ надеждѣ:
Былъ талисманъ украденъ прежде».

Вотъ наконецъ и графъ Милонъ
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ,
И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи.

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и паладины,
Ихъ ждутъ; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвалъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ . . .
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: «ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье».

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ . . .
И что же? Передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
«Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?»
Роландъ въ отвѣтъ: прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся,
И съ великаномъ самъ подрался.

Рыцарь Роллонъ
(Изъ Уланда)

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ:
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу, на усталомъ конѣ
Ѣхалъ, и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полуночный часъ;
Было темно, такъ темно, что хоть выколи глазъ;

Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

«Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну!» — и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ на камень; вздремнулъ съ полчаса; и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путемъ.
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: «скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней».

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
«Этой перчаткой другой завладѣлъ, онъ сказалъ;
Кто-то нездѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ;

«Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой».
Трусъ! на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смѣло на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ:
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
«Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
Обѣ ссуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить».

Молвилъ нечистый; а рыцарь сказалъ ему: «на!
Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
Вотъ тебѣ обѣ перчатки; отдай черезъ годъ».
Слышу; прости, до свиданья! отвѣтствовалъ тотъ.

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.

Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту:
Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется; ближе и ближе; и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведетъ
Сзади слуга въ поводахъ воронаго коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги паладинъ:
Кто вороного коня твоего господинъ?
«Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;

«Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчетъ;
Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ».
Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
«Горе мнѣ!» въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

«Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй;
Только молись о душѣ осужденной моей».

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ пріору[1] сказалъ:
«Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
Ангельскій чинъ я еще недостоинъ носить;
Служкой простымъ я желаю въ обители быть».

Вижу, ты въ шпорахъ, конечно бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конемъ. —
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идетъ;
Вотъ, наконецъ, совершился ровнехонько годъ.

---

[1]) Пріоръ — настоятель католическаго монастыря.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ монастырь молодаго коня:
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы, разъярившійся
конь;
Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ, и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ;
Чернаго, злаго коня за узду онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
Сѣлъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь
улетѣлъ.

Ночной смотръ

(Изъ Зейдлица)

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И Франція — тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ — Святая Елена.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

ИДИЛЛИ[1]

Овсяный кисель

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку
не соваться;
Кушайте: всякой намъ даръ совершенъ и даяніе
благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ
помилуй!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскоро-
дилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: «поди домой, не
заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ
и созрѣетъ».
Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо
и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго
онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ и не
пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не
согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло
подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и со-
сетъ, какъ младенецъ,

---

[1]) Изъ Гебеля.

Сокъ изъ родного зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленокъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ... «Какъ бы провѣдать.
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?» . . . Тайкомъ боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли . . . Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь — Господь Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй».
Пьетъ онъ . . . ахъ! какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли:
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точитъ облачкó дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ — онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.

Что мнѣ въ потёмкахъ! здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ!»
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ, какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? что не выходитъ?
Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ! зачѣмъ я покидалъ родимое зернышко? Дома
Было мнѣ лучше: сидѣть бы въ пріятномъ теплѣ подъ землею».
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой . . .»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла . . . солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ, что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.

Мало-по-малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница и просо;
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати-ль! листки распустила . . . кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался . . . кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ . . .
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шолковыхъ нитяхъ?
Ангелы; кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
Пó полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «я знаю, что будетъ».
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;
Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потёмкахъ.

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ
помилуй!
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно
скосили,
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося
сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу,
и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки
сходились
Колосъ оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ
и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно по-
полнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и ду-
маетъ: «полно!
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оста-
ваться
Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣ-
пой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и
Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ
пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ
молотили
Съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на
ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ
тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали
мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки
родная
Полный горшочекъ; сварила кисель, чтобъ дѣ-
тушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали:
спасибо!

Деревенскій сторожъ въ полночь

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Какъ все молчитъ! . . . Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ будто притаилась;
Нѣтъ шороха въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телѣга,
Не скрипнетъ дверь, дыханье не провѣетъ,
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
И легкою-ль неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ . . . не знаю.
Но, чу . . . тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю; и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни;
И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
И звѣздочки въ дали небесной брежжутъ . . .
Не такъ же ли, когда осенней ночью
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ? . . .
Но что-жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу . . . но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онѣ тамъ зажжены.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище? . . . Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли: полночь!
Покойникамъ? . . . Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же . . . какъ узнать!
Прошла-ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
Быть можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ . . . ночь долга;
Быть можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ . . . кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать мертвые покойны?
Дай Богъ! . . . Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ . . . ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пышетъ —
Окончины трясутся, и порой
Скрипитъ, качаясь, крестъ, — здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу . . . Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней.
И на нее огни отчизны свѣтятъ.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ . . . что-жъ нужды! всё мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель — въ часъ добрый; вѣдь могила

Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выйдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны:
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ-жъ . . . только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? Гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище . . . Все покойно
И здѣсь и тамъ . . . И что-жъ деревня въ полночь?
Не тихое-ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До яснаго, небеснаго разсвѣта?
А онъ ужъ не далёко . . . Какъ бы ночь
Ни длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду —
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдернетъ
Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣсъ сіяютъ;
Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ, Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,

И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: утро!
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда! . . .
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Исцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу . . . Но когда-жъ тому случиться?

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.

Утренняя звѣзда

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать,
За то и утра не видать;
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано по утру —
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да, чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ;
Твое владычество приди;
Насъ въ искушенье не введи;
На путь спасенія наставь,
И отъ лукаваго избавь».

Зачѣмъ же звѣздочка краса
Всегда такъ рано въ небеса? . . .
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою вослѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что-жъ? Увидятся ли? . . . Нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,

Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка? . . . Ужъ не блеститъ;
Печально-блѣдная бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно,

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ стоитъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;
И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мельницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой,
Моя звѣзда-подружка ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты —
О, звѣздочка-душа моя,
Не испугался-бъ солнца я.

Лѣтній вечеръ

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ-жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь: горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ;
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;

И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ . . .
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда;
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что-жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ . . . пора ко сну и намъ.

Воскресное утро въ деревнѣ

Слушай, дружокъ! (говоритъ воскресенью суббота) деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко! . . . И только успѣла суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ воскресенье;
Легкой рукою, тихонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ тёмно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;

Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ,
как лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ
— тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ, кру-
гомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и
молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище — мо-
гилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что
дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ — и
тамъ все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская
церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная
слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ буд-
то безмолвный
Сторожъ деревни. — Спокойно на паперти сѣвъ,
воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ
утро
На небѣ тронулось . . . Тронулось утро; во тьму
и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть . . . пѣтухъ закричалъ. Вос-
кресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько
шепнуло:
«Солнышко встань!» . . . И разомъ подернулся
блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и
слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ
и усыпалъ

Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая . . .
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, и сіяя на солнце,
«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ — и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву . . . въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слышится пѣнье.

ПОВѢСТИ ВЪ СТИХАХЪ

Шильонскій узникъ[1])

Повѣсть Лорда Байрона

I

Взгляните на меня: я сѣдъ,
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.

---

[1]) За̀мокъ Шильонъ — въ которомъ съ 1530 по 1537 г. заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма — находится между Клараномъ и Вильнёвомъ у самыхъ восточныхъ береговъ озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина, ведущая къ Сенъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монтрё, Шателяръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и за̀мковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя точки сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему

Удѣлъ несчастнаго отца;
За вѣру — смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть — пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины.
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ.
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу,

основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны зáмка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Неподалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнёва, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана; онъ непримѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ зáмка.

И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вьющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я живой
Терзался на полу тюрьмы.

III

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лицо чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснею войны —
Но скоро то же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;

Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта-ль? . . . Но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.

IV

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца . . .
Увы! черты его лица,
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой . . .
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы какъ ручей.

V

Другой былъ столь же чистъ душой,
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
И въ первый рядъ на смерть готовъ . . .
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ

Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось — вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ;
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII

Середній братъ нашъ — я сказалъ —
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;

А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда-бъ и нѣгой окружонъ
Безъ воли былъ . . . зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ . . . я-жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы . . .
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы днѐвный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ;
«Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
Не тихъ . . .» но былъ въ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ — образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ — для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть . . .
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему — онъ для меня
Подпорой былъ . . . вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка . . . Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ . . . увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;

Ни вздоха скорби на устахъ;
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи . . . но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ . . .
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ . . .
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь . . . тишина!
Кричу, какъ бѣшеный . . . стѣна
Откликнулась . . . и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ . . . къ брату . . . брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ
Убитый хладомъ — предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ —
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой,
И взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О, сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть.
И мигъ сей могъ я пережить!

Не знаю — вѣра-ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

IX

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню . . . свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ,тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ . . . то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ, онъ снова пѣлъ;
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго . . . мысль моя

Стезей привычною пошла;
И я очнулся . . . и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ . . .
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ,
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной . . .
Какъ много было въ пѣсни той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто-жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И ѳ свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу-ль? . . . Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ . . .
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня . . .
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ . . . меня

Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю . . . но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей ногой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII

И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли . . . я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ;
Я былъ бы лишній гость на немъ,

Какъ облако, при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ . . .
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
Всѣ были тѣ-жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе — снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ.
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль бреговъ . . .
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ бреговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ,

И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ — то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ — за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь . . . мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда-жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ —
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь —
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV

День приходилъ — день уходилъ —
Шли годы — я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди, наконецъ, пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я — давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи-ль я, въ цѣпи-ль я былъ,
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей . . . тамъ все другъ,

Все однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку пріучилъ;
И . . . столь себѣ невѣрны мы! . . .
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

Перчатка

Повѣсть (изъ Шиллера)

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.
Король далъ знакъ рукою —
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ —
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,

Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой —
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ . . .
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка . . . всѣ глядятъ за ней . . .
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
«Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
Ты любишь такъ, какъ говоришь,
Ты мнѣ перчатку возвратишь».

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣствуютъ красавицыны взгляды . . .

Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: не требую награды.

Неожиданное свиданіе

Быль (изъ Гебеля)

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ городѣ горномъ Фаллунѣ,
Утромъ одинъ молодой рудокопъ, на свиданьи съ своею
Скромной, милой невѣстою, такъ ей сказалъ: Черезъ мѣсяцъ
(Мѣсяцъ не дологъ) мы будемъ мужъ и жена; и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ. «И въ нашей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселятся!» сказала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ священникъ въ приходской
Церкви: кто законное браку препятствіе знаетъ,
Пусть объявитъ объ немъ, тогда съ запрещеньемъ явилась
Смерть. Наканунѣ брачнаго дня, идя въ рудокопню,
Въ черномъ платьѣ своемъ (рудокопъ никогда не снимаетъ
Чернаго платья), женихъ постучался въ окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей: доброе утро! но добрый
Вечеръ! онъ ей ужъ не сказалъ, и назадъ не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой, ни на третій, ни послѣ . . .

Рано по утру одѣлась она въ вѣнчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришелъ
онъ,
Платье вѣнчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго объ немъ, и его никогда не забыла.
Вотъ въ Португаліи весь Лиссабонъ уничтоженъ
былъ страшнымъ
Землетрясеньемъ; война семилѣтняя кончилась;
умеръ
Францъ императоръ; былъ езуитскій орденъ разрушенъ;
Польша исчезла; скончалась Марія Терезія;
умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала свободна;
въ могилу
Легъ императоръ Іосифъ второй; революціи пламя
Вспыхнуло; добрый король Людовикъ, возведенный на плаху,
Умеръ святымъ; на русскомъ престолѣ не стало
Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всѣ перевысилъ, и рухнулъ;
И на далекой скалѣ океана изгнанникомъ умеръ
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покрывалися
жатвой,
Пашни сочной травою, холмы золотымъ виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мололъ, и
глубоко
Въ нѣдра земли проницалъ съ фонаремъ рудокопъ, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что близко
Фаллуна,
Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ давнишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ онъ
не тронутъ

Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; казалось, что,
умеръ
Съ часъ не болѣ; иль только прилегъ отдохнуть
и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ темной земныя
утробы
Вынесенъ былъ — отецъ и мать, и друзья, и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось никого,
кто-бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто-бъ помнилъ, когда съ нимъ
случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени, чуждый
живому,
Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди равно-
душныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока не
явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который однажды
Утромъ, за день до свадьбы своей, пошелъ на
работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ. Под-
пираясь клюкою,
Трепетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая ста-
рушка;
Смотритъ на тѣло, и вмигъ узнаетъ жениха. И
съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она пред-
стоящимъ сказала:
Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ долго,
такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще передъ
смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы, по-
шелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался. — У всѣхъ разо-
грѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей невѣсты,
увядшей,

Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ, сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснулся на голосъ знакомый;
Онъ не открылъ ни очей для узнанья, ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его понесли, съ умиленьемъ
Друга давнишнія младости въ землю она проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали; когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла, и сказала;
«Что однажды земля отдала, то отдастъ и въ другой разъ!»

Каннитферштанъ

Часто мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ. Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ

Домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота
Съ добрый сарай — удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: «чей это домъ, въ которомъ такъ много
Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?» Но видно прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то-есть, не зналъ ни полслова;
Какъ бы то ни было, каннитферштанъ! отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ — есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значитъ оно: не могу васъ понять. Простодушный
Нѣмецъ напротивъ вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. «Видно богатъ не на шутку
Этотъ Каннитферштанъ», сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань —
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего, такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но, наконецъ, на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы

Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацин-
скимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ
нѣмецъ; и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У
матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: «какъ
назывался
Тотъ господинъ, которому море столько со-
кровищъ
Разомъ прислало!» Нахмурясь, матросъ про-
ворчалъ мимоходомъ:
Каннитферштанъ. «Опять! смотри пожалуй!
Какой же
Этотъ Каннитферштанъ молодецъ! Мудрено
ли построить
Домъ богатствомъ такимъ, и разставить въ гор-
шкахъ золоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по
окошкамъ?» Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ, и задумался; горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько бо-
гатыхъ
Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только, что
началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда-
бъ онъ
Самъ былъ Каннитферштанъ, какъ вдругъ
передъ нимъ погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ
попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ
будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу навѣки
отвозятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые,
молча

Въ трауръ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной,
Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: «конечно покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?»
Каннитферштанъ! былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши сказалъ онъ:
«Бѣдный, бѣдный Каннитферштанъ! отъ такого богатства
Что осталось тебѣ? Не то же-ль, что рано иль поздно
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
Гробъ». И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,

Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о Каннитферштанѣ, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ — и тѣсной могилѣ.

Сраженіе съ змѣемъ

Повѣсть (подражаніе Шиллеру)

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ!» говорятъ, «посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выдти
Въ бой . . . всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель;
Слава ему!» И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ

Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ[1]) собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера[2]); шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: «Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить». Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность — рыцарю честь; но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: первый
Рыцарскій долгъ есть покорность. «И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ: ты мной запрещенный

[1]) Капитулъ — орденъ (община) католическихъ монаховъ.
[2]) Магистеръ — глава средневѣковыхъ монашескихъ и рыцарскихъ орденовъ.

Подвигъ дерзнулъ совершить». — Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнувшихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: дерзай! и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: «ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой искусство,
Мужествомъ мудрость должны управлять». И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ

Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ, вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенье, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою: на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.

Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской
породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала
отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли
собаки;
Но, наконецъ, побѣдило мое постоянство ихъ
робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь.
Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родо́су. О новыхъ
бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кон-
чить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не
сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка,
часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ:
на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пре-
чистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чуде-
сами;
Трудно всходить на утесъ и доселѣ сей путь былъ
опасенъ.
Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной
сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа про-
ходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пе-
щеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой
глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню
Пречистой

Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи змѣй грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: они вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло;
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя

Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной, и уже рас-творилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки;
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ ки-даться . . . напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ пото-комъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь, и тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго-ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови непод-виженъ. —
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: «хвала!» Но магистеръ,

Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали —
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: «змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недугъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ[1]); но покорность
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ самъ Искупитель,
Богъ всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ орденъ священный;
Тамъ, облачася крестомъ, на себя они возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
Суетной славой ты былъ обольщенъ — удались; ты отнынѣ
Нашему братствуй чужой: кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ».
Такъ магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари ордена сами владыку

---

[1]) Мамелюкъ — тѣлохранитель султана

Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья, и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи: онъ твой, онъ награда смиренью».

Капитанъ Боппъ

Повѣсть

На караблѣ купеческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ,
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану-бъ
Не сдобровать . . . но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дня четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,

Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «каковы
Вы, капитанъ?» — То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно-ль
Чего вамъ, капитанъ?» Ты это, Робертъ?
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.
«Я, капитанъ». Ахъ! Робертъ, я страдалъ
Всю ночь. «Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить». Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?» Это также было
Ему позволено. Потомъ больнаго Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши,
Сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ.
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка

Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и, наконецъ,
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть
Проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы
Его желѣзная душа; онъ молча-бъ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Непримиренный, если-бъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ однажды
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше ли вамъ, капитанъ?»
Онъ простоналъ отчаянно: ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моей душою! . . . Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего иного
Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки
Погибшій человѣкъ. «Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь». Поздно
Молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ? — Такъ
Свое дотоль безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость — но напрасно. Разъ, когда
По-прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
Послушай, Робертъ; мнѣ пришло на умъ,

Что, можетъ быть, на кораблѣ найдется
Евангеліе: попробуй, поищи.
И подлинно, евангеліе нашлося.
Когда его больному подалъ Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость. Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье.
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.
«Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?»
Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки
Не бралъ евангелья; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадется. — Робертъ
Раскрылъ евангелье и сталъ читать,
И два часа читалъ онъ. Капитанъ
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ;
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ,
И правосудіе Творца предстало
Ему съ погибелью неизбѣжимой;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшися одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
Его душа отрады не нашла.
На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
Сказалъ: мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужъ не видать; со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я . . . что съ моей душою
Съ моею бѣдною душою будетъ!

Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ навѣки!
Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь?
«Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой
Молитвы, кромѣ Отче нашъ не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читалъ». Ахъ! Робертъ,
Молись за меня; стань на колѣна;
Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье;
За это онъ тебя благословитъ.
Молися, другъ, молися о твоемъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ. —
Но Робертъ медлилъ; а больной его
Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
Со стономъ восклицая: Царь небесный,
Помилуй грѣшника меня! И оба
Рыдали. — Ради Бога, на колѣни
Стань, Робертъ, и молися за меня. —
И увлеченный жалостію мальчикъ
Сталъ на колѣни и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй
Ты моего больнаго капитана.
Онъ хочетъ, чтобъ тебѣ я за него
Молился — я молиться не умѣю.
Умилосердись ты надъ нимъ; онъ бѣдный
Боится, что ему погибнуть должно —
Ты, Господи, не дай ему погибнуть;
Онъ говоритъ, что быть ему въ аду —
Ты, Господи, возьми его на небо;
Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
Его душой — ты, Господи, вели,
Чтобъ ангелъ твой вступился за него!
Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ
Покинули; но я, пока онъ живъ,
Ему служить не перестану; только
Спасти его я не умѣю; сжалься
Надъ нимъ ты, Господи, и научи
Меня молиться за него». — Больной

Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребенокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ
Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
Въ подушки голову, и слезъ потоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ
И, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, до ночи ему читалъ
Евангелье, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемѣной,
Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, носившаго глубокій
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смиренное, веселое, святое;
Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ.
Ахъ, Робертъ! тихимъ голосомъ больной
Сказалъ, какую ночь провелъ я! что
Со мною было! я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней,
Которая проникнула въ нее,
Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я — кого же? Самого

Спасителя Христа; онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
Что будто всталъ я, и приползъ къ его
Ногамъ, и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,
О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
Исусъ Христосъ, помилуй! и тогда
Мнѣ показалось, будто на меня —
Да! на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя капитана, онъ взглянулъ . . .
О, какъ взглянулъ! какими описать
Словами этотъ взглядъ! я задрожалъ;
Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
Но и съ надеждой, я къ нему поднять
Осмѣлился глаза . . . и что же? Онъ . . .
Да, Робертъ! . . . онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О, что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣетъ.
Я на него глядѣлъ . . . глядѣлъ . . . и ждалъ . . .
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ его, облитъ,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной
И нѣжной жалостію на меня . . .
И вдругъ его уста пошевелились,
И я его услышалъ голосъ . . . чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй!
Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ . . . но
Видѣніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись . . .
Но сонъ ли это было? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: тотъ меня спасетъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня

Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
Что онъ сказалъ на вечери святой,
Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
Вино во оставленіе грѣховъ.
Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
Мой искупитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію разстаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ . . . При этомъ словѣ Робертъ,
Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете».
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердіе; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Роднаго жаль; ты долженъ здѣсь остаться
На кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ
Людей, одинъ, неопытный ребенокъ . . .
Съ тобою будетъ то же, что со мной!
Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь
Куда ведетъ она. Твоя любовь
Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ . . . ты указалъ мнѣ,
И самъ того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь. — Весь этотъ день
Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ евангеліе слушалъ.
Когда-жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ

Простился, онъ его съ благословеньемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
Припавъ къ постели, крѣпко стиснувъ руки,
Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минуты двѣ
Прошло . . . и вотъ онъ, наконецъ, шепнулъ
Тихонько: капитанъ! — отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо все;
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постели. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
По-прежнему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемѣнилось; медленно онъ навзничь
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

Выборъ креста

Повѣсть (изъ Шамиссо)

Усталый шелъ крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,

По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И, наконецъ, достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца:
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой посвюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣни, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ,
Былъ духъ его изъ бренныя тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: «Отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдаю передъ тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ и моя душа
Погибнетъ». Такъ въ безсмысліи онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
«Передъ тобою всѣ кресты земные

Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми». И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было не легко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ, рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, за то
И не въ подъёмъ, какъ золото. И, словомъ,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ нелегòкъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: «Господи, позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ.» И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

Отрывокъ

Часто въ прогулкахъ моихъ одинокихъ мнѣ попадался
Старый нищій; всегда у большой дороги сидѣлъ онъ
Тамъ, гдѣ у съѣзда съ горы положили бревно, чтобъ удобнѣй
Было садиться опять на сѣдло тому, кто съ крутаго
Спуска лошадь сводилъ въ поводахъ. Старикъ, прислонивши

Палку къ бревну и сложивши съ плеча котомку, съ какой то
Дѣтскою радостью бралъ изъ нея одна за другою
Хлѣбныя корки, сборъ съ поселянъ, и съ лѣнивымъ вниманьемъ
Ихъ пересматривалъ. Скорчась въ дугу, безъ шляпы, на знойномъ
Солнцѣ, одинъ посреди холмовъ пустынныхъ и голыхъ,
Медленно ѣлъ онъ свой скромный обѣдъ; одною рукою
Корку держа, подъ нее подставлялъ онъ другую, чтобъ крошки
Всѣ до послѣдней сберечь; но къ ногамъ его много на землю
Падало ихъ, и галки, косясь на добычу, бродивши
Поодаль, на цѣлую палку его разстояньемъ, къ манившей
Ихъ приманкѣ порой приближались. Съ самаго дѣтства
Зналъ я его; какъ теперь и тогда старёхонекъ былъ онъ,
Такъ что какъ будто ни мало съ тѣхъ поръ не постарѣлъ: все тотъ же
Такъ же все бродитъ одинъ, и съ виду такой безпомощный,
Что ни одинъ проѣзжій съ коня небрежной рукою
Мелкой монеты своей не броситъ ему, а слѣзаетъ
Съ лошади самъ, чтобъ вѣрнѣе свое подаянье въ худую
Шляпу его положить; и каждый, ногу вставляя
Въ стремя, за нимъ все еще слѣдуетъ косвеннымъ взглядомъ.

Палка его неразлучно тащится съ нимъ; онъ такъ тихо
Бродитъ, такъ слабъ и медленъ въ движеньяхъ своихъ, что едва ли
Слѣдъ какой на дорогѣ его нога оставляетъ.
Шавка дворная брехать на него утомляется прежде,
Нежели онъ успѣетъ мимо воротъ протащиться:
Дѣвочка, мальчикъ, ребенокъ, взрослый, праздный рабочій,
Всѣ обгоняютъ его, онъ у всѣхъ назади остается.
Сборщица пошлинъ дорожныхъ, лѣтней порою за пряжей
Сидя въ дверяхъ, лишь завидитъ его вдалекѣ по дорогѣ
Тихо бредущаго, просьбы его не ждетъ, и работу
Бросивъ, сама передъ нимъ подымаетъ шлагбаумъ. Столкнувшись
Съ нимъ на тѣсной дорогѣ, почтарь — когда не услышитъ
Крика его старинушка — въ сторону самъ осторожно
Правитъ и мимо; безъ грубаго слова, даже безъ сердца,
Ѣдетъ. Одинъ одинёхонекъ ходитъ бѣднякъ. Не имѣетъ
Старость его товарища. Вѣчно глаза его въ землю
Смотрятъ; онъ медленно движется вдаль по дорогѣ, невольно
Движется съ нимъ и она; и видитъ не то, что мы видимъ
Всѣ, не зелень полей, не холмы, не свѣтлое небо,
Нѣтъ, одну лишь полосу пыльной дороги.
Тутъ и весь его горизонтъ. Ежедневно, склонивши

Дряхлую голову, бродитъ съ утра онъ до позднія ночи,
Видя, но самъ почти не зная, что видитъ; кое-гдѣ
Клокъ соломы, вялый листъ, отпечатокъ подковы
Или гвоздей на пыли; и все въ одномъ разстояньи;
Все въ одномъ направленьи. Бѣдный странникъ! . . .

Ундина[1]

ГЛАВА I

О томъ, какъ рыцарь пріѣхалъ въ хижину рыбака

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось, что въ ясный весенній
Вечеръ сидѣлъ передъ дверью избушки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ, и починивалъ сѣть. Сторона та, въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто. Лугъ, гдѣ стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берегъ душистый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя воды съ любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной, трепещущей грудью

[1]) Въ извлеченіи.

Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣнялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою — и только; дремучій
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой непристyпной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ; тамъ было нечисто:
Злые духи гнѣздилися въ немъ и пугали прохожихъ
Такъ, что не смѣли и близко къ нему подходить. Но смиренный,
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ; на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій за лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый небесною силой.
Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ онъ услышалъ
Шумъ въ лѣсу, какъ будто бы топотъ коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ: шумъ приближается; робость
Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ ненастныя ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ
Мыслямъ его; особливо-жъ одинъ великанскаго роста,

Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ, и ему показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотритъ кивающій призракъ.
Вспомнивъ однако, что все никакой еще не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ, въ которой такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечистый надъ ними не властенъ,
Онъ ободрился, прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую
Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средины
Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ озеро; шумъ же,
Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ на бѣломъ,
Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной онъ ѣхалъ и прямо
Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алаго цвѣта
Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ шитый,
Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ беретѣ вилися
Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной
Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ, копытомъ

Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воздушной
Поступью шелъ, и, сгибая красивую шею, какъ лебедь,
Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный
Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ, и, снявши
Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приблизясь,
Рыцарь сказалъ: могу-ль я съ конемъ найти здѣсь на эту
Ночь убѣжище? — Милости просимъ, гость благородный!
Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый
Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревъ; а вкусную пищу
Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ-жъ мы охотно
Уголъ очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ, и ужинъ
Скудный съ тобою раздѣлимъ. Рыцарь, кивнувъ головою,
Спрыгнулъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему лугу
Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: ты охотно,
Добрый старикъ, принимаешь меня, но когда-бъ и не столько
Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлался нынче:
Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги
Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый
Лѣсъ возвращаться, — избави Боже! . . . — Не станемъ объ этомъ

Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ, озираясь,
Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ усталаго гостя.
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой
Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ широкомъ
Съ спинкой рѣзною, сидѣла жена рыбака пожилая.
Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
Чинно, и сѣла опять, ему отдать не подумавъ
Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай;
Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается. — Что ты,
Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка: вѣдь гость нашъ
Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ и мы, и придетъ ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку — она продолжала — да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна.
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ будто-бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужи въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ

Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся
Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ разсказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій
Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: меня называютъ Гульбрандомъ,
Имя же замка Рингштетенъ. — Такъ говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ,
Точно какъ будто водой кто опрыскивалъ стекла снаружи.
Всякій разъ съ досадой нахмуривалъ брови, послышавъ плесканье,
Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвенѣло, и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ, и крикнулъ въ окошко съ угрозой: Ундина!
Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости. При этомъ
Словѣ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій
Шопотъ, какъ будто бы кто потихоньку смѣялся. — Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
Можетъ быть, шалостей много еще ты увидишь, но злого
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,

Только не дочка родная, а найденышъ; сущій младенецъ,
Все проказитъ, а будетъ ей лѣтъ ужъ осьмнадцать; но сердце
Самое доброе въ ней. Покачавъ головою, старушка
Молвила: такъ говорить ты воленъ; когда ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на досугѣ забавны
Эти проказы: но, съ утра до вечера дома глазъ на глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нея не добиться путнаго слова —
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье.
— Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ: ты бьешься съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ нечасто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ
Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ ли? — Что правда, то правда;
Вовсе ее разлюбить ужъ нельзя, кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ растворилася настежь
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то воздушное. — Гдѣ же
Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня обманулъ? Но, увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуднымъ явленьемъ,

Былъ, какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести; онъ думалъ, что видитъ сонъ, и вглядѣться
Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки раскрывъ, какъ младенецъ,
Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой, она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣни, и цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала: прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по свѣту долженъ былъ странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты проѣхалъ? — Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: — оставь въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возьмись за работу. Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку, и, сѣвши
Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонько шепнула:
— Вотъ гдѣ я буду работать. Старикъ, притворясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ундина
Рѣчь перебила его: — у тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта? —

Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, прелесть моя. — Разскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чуднаго видѣлъ?
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣсѣ; невольно
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись
Съ духомъ, разсказъ онъ готовъ былъ начать; но старикъ торопливо
Молвилъ ему: — недоброе время теперь намъ о лѣсѣ
Рѣчь заводить; разскажешь намъ завтра. Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали.
Нынче, не завтра онъ долженъ разсказывать! нынче, теперь же!
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту
Такъ забавна, мила и прелестна была, что въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина сказала:

— Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте-жъ; одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ. Съ сими словами
Прыгнула въ двери она, и въ минуту во мракѣ пропала.

ГЛАВА II

О томъ, какъ Ундина въ первый разъ явилась въ хижинѣ рыбака

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно: Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать? — Ужъ это не въ первый
Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами часто
Насъ забавляетъ она, теперь опять мнѣ придется
Цѣлую ночь напролетъ безъ сна проворочаться съ боку
На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь мало-ль что можетъ
Встрѣтиться ночью! — Зачѣмъ же медлить? Пойдемъ поскорѣе
Сами за нею. — Трудъ безполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворѣ: куда мы пойдемъ? И кто угадаетъ,

Гдѣ она спряталась? — Будемъ, по крайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хоть кликать ее. И кричать онъ началъ: — Ундина!
Гдѣ ты, Ундина? — Старикъ покачалъ головою. — Какъ хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужъ вѣрно
Гдѣ-нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица. — Такъ говоря, старикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ, и не могъ утерпѣть, чтобъ туда же
Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: — Ундиночка! милая, гдѣ ты?
Правду однако онъ предсказалъ: никакой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ по-напрасну, они наконецъ возвратились
Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно, и старушка,
Менѣе мужа о томъ, что съ Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши, потухнулъ;
Только немногіе уголья тлѣли, и синее пламя,
Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ большую
Кружку виномъ, и поставилъ ее передъ гостемъ. — Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой рогожей
Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у огня, и за доброй

Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешь, добрый мой гость? — Гульбрандъ согласился охотно.
Сѣсть принудивъ его на почетномъ оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и вотъ дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждомъ малѣйшемъ
Шорохѣ — стукнетъ ли что въ окошко, и даже нерѣдко
Просто безъ всякаго стука и шороха — вдругъ умолкали
Оба, и, палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не тутъ-то
Было; не шелъ никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговоръ. — Разскажи мнѣ, сказалъ напослѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину? — А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты спросишь? Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой продавши,

Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить;
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ, когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось; а съ Нимъ и опасный
Путь не опасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы, и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: — я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
— Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочка? — Она у Того, чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; и видитъ жена, что нашъ милый

Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
Долго я тѣло искалъ, но напрасно: нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости, двѣ сироты въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Еслибъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало-бъ
Духу; и такъ мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
Шорохъ; онѣ растворились — и что же мы видимъ? Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь, какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ человѣчекъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами
Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе

Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы
нашимъ.
Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель,
и напиться
Дали горячаго ей; а она все молчала, и только
Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улы-
балась.
Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточекъ
весенній,
Утромъ проснулась; когда-жъ мы разспраши-
вать стали, откуда
Родомъ она, и какъ попала къ намъ въ хижину,
толку
Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого;
и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ,
а добиться
Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по раз-
сказамъ
Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ
упала
Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ прозрач-
ныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ дру-
гихъ небылицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда;
удалося
Вывѣдать только одно, что, катаясь по морю въ
лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на
здѣшній
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очнулась . . .
Въ сомнѣньи
Тяжкомъ осталися мы: хотя и было не трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной
дочки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ,
но не знали

Мы, крещена ли она или нѣтъ? Сказать же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что съ волей Господней согласно. И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненьи придумали вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты: а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее Доротеей
Было-бъ всего приличнѣй назвать: мы слыхали, что значитъ
Это имя *даръ Божій*, она же была милосердымъ
Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла. «Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться
Вѣчно Ундиной!» — Но было ли то христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ въ городъ;
Онъ согласился придти къ намъ; сначала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но наша малютка,
Въ платьицѣ странномъ своемъ, была такъ чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему, и въ то же время такъ мило,

Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей — и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженье святого
Таинства: дикая рѣзвость исчезла, и тихимъ, смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ будто бы чувствуя, что съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить, не мало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все разсказать мнѣ . . . Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: послушай! послушай!
Что тамъ? — Не разъ ужъ во время разсказа былъ онъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились къ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ: и было все небо,
Такъ же, какъ море, взволновано, тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой трепетала; при свистѣ
Вихря было внятно, какъ море свирѣпое голосъ
Свой воздымало, и какъ, скрипя отъ вершины до корня,

Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья.
— Ундина! . . .
Царь мой небесный! . . . Ундина! старикъ закричалъ; но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу, и громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

ГЛАВА III

О томъ, какъ была найдена Ундина

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, въ безполезномъ исканьи:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращеньи,
Началъ онъ думать, что море, лугъ, источникъ, рыбачья
Хижина, старый рыбакъ, и все, что съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зовущій Ундину,
Все ему издали слышался. Вотъ наконецъ очутился
Онъ на самомъ краю лѣснаго ручья, который въ разливѣ

Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣ-
кою,
Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на кото-
ромъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! рыцарь
подумалъ,
Что, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и назадъ
ей
Нѣтъ оттуда дороги, и тамъ у злыхъ привидѣній
Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса
вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный ду-
бовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него,
перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ,
вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и
казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровёнъ съ
деревами,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ, и,
оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою, — но самый сей
ужасъ
Только что съ большею силою влекъ его въ
лѣсъ; тамъ Ундина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужъ
ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ вдругъ
недалёко
Сладостный голосъ сказалъ: «не ходи, не ходи,
берегися
Злого потока; старикъ сердитъ и обманчивъ».
Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался и слушалъ;
но мѣсяцъ

Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и онъ, черезъ силу держася,
Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и, глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ: — Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя. — И глубже въ воду пошелъ онъ.
Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: — оглянися!
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину. Былъ маленькій островъ
Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ угнѣздившись,
Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было нетрудно
Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и Гульбрандъ очутился
Вмигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она-жъ, приподнявшись,
Руки вкругъ шеи его обвила, и его по неволѣ
Рядомъ съ собой посадила. Теперь ты разскажешь мнѣ, милый,
Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики насъ
Здѣсь не услышатъ, и скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля

Сто́итъ ихъ хижины дымной. — Здѣсь рай, Ундина! воскликнулъ
Рыцарь, прижавши ко груди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ берега. — Рыцарь!
Онъ закричалъ, непохвальное дѣло ты дѣлаешь; нами
Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь, обнимаясь
Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайко́мъ, и оставилъ
Въ страхѣ меня старика одного по пустому за нею
Бѣгать въ потемкахъ. — Я самъ, отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею. — Тѣмъ лучше; скорѣе-жъ
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю. —
Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше
Въ страшный лѣсъ она соглашалася съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ не хотѣли
Дѣлать того, о чемъ просила она, и откуда
Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо запѣла:
«Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется;
«Влившися въ море, она изъ моря назадъ не польется».
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню; ее же
Слезы его какъ будто не трогали; къ рыцарю съ дѣтской

Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей: — Ундина!
Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямься-жъ; намъ должно,
Должно къ нему возвратиться. Въ нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потомъ: — когда ты такъ думаешь, милый,
Я согласна. И съ видомъ покорнымъ, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на шею
Кинулся къ ней и въ радости былъ, какъ дитя; прибѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все такъ же утихло, и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣялась,
Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро
Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ вѣткахъ;
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ разсказъ свой. И такъ согласились
Завтракъ принесть подъ деревья. Ундина проворно усѣлась
Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другого же мѣста
Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь разсказывать началъ.

ГЛАВА IV

О томъ, что случилось съ рыцаремъ въ лѣсу

Вотъ ужъ болѣ недѣли, какъ я въ тотъ вольный имперскій
Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ, и рыцари копья ломали усердно.
Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подошедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту
Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бертальда —
Мнѣ сказали — питомица знатнаго герцога, въ ближнемъ
Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ видомъ
Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣлась двойная
Бодрость; усердно бился я прежде, но съ этой минуты
Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною
Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные
Дни турнира. — Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ

Палецъ ему, сердито нахмурила бровки, и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ разсказъ свой
Такъ продолжалъ: — Бертальда прекрасна, нельзя не признаться,
Но черезъ-чуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во второй разъ
Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый, а въ третій разъ менѣ,
Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось, что болѣ
Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ перчатку
Мнѣ свою подарила она. — Подарю, отвѣчала
Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ происходитъ. Перчатка
Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согласился. —
Развѣ тебя не любила она? спросила Ундина. —
Я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ, такъ мнѣ казалось.
— О! такъ она сумасшедшая, вскликнула громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ладоши. Кто-жъ не безумный

Съ милымъ себя разлучитъ, и его добровольно въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло поплетъ? Отъ меня-бъ не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести. — Рано
Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ, улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сіяли деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на зелени дерна;
Было свѣжо; благовонные листья такъ сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я поневолѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ страшилища въ райскомъ
Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чащу;
Мало-по-малу все стало пустынно и тихо; густѣя,
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ; посмотрѣть, высоко ли
Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю, и что же
Вижу? Черное что-то копышется въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визгливымъ,
Мнѣ закричали: кстати пожаловалъ; милости просимъ;
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ
Вашу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно-дикимъ

Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо
Вскачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился
Дьяволъ. При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой
Перекрестились; Ундина-жъ тихонько шепнула: -- всего здѣсь
Лучше по-моему то, что ты не изжаренъ, мой милый
Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разсказывай далѣе. — Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказалъ; имъ владѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее; но въ самое-жъ это мгновеніе кто-то
Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу дорогу,
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь, отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся — что же?
Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а блестящій
Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма. — Благодарствую, милый,
Добрый ручей, закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина. —
Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ головою;
Рыцарь разсказывалъ далѣ. Собравъ повода, укрѣпился
Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ человѣчекъ

Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунъ, земляного
Цвѣта лицо, и носъ огромный такой, что, казалось,
Былъ онъ длиною во все остальное тѣло урода.
Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,
Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ, и, коня повернувши,
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь (ужъ склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карликъ,
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
Я закричалъ: раздавлю. Но уродъ, исковеркавшись снова,
Началъ визжать: сперва заплати за работу; ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я подвернулся.
Лжешь ты, кривляка, сказалъ я: не ты, а этотъ источникъ
Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ деньги; оставь насъ,
Дай дорогу. И, бросивъ одну золотую монету
Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но снова явился
Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ, но съ боку
Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ скорѣе
Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,

Началъ кричать онъ: поддѣльное золото! золота
много
Есть у меня! погляди! полюбуйся! — И въ эту
минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная
утроба;
Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ
мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину; и тогда
мнѣ открылась
Область подземная гномовъ: они гомозились,
роились,
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгре-
бали металлы,
Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ,
и пускали
Вихри песка золотого другъ другу въ глаза. Мой
сопутникъ
Быстро метался то внизъ, то вверхъ; и ему
подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со
смѣхомъ,
Каждый онъ въ бездну бросалъ, и, изъ пропасти
въ пропасть со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ
монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ
хохотомъ въ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали
изъ бездны.
Вдругъ взгомозилися всѣ, и, толпяся, толкаясь,
полѣзли
Кверху, когтистые, пылью металловъ покрытые
пальцы
Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, каза-
лось, кипѣла:
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе . . .

Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню, безъ оглядки
Я поскакалъ . . . и не знаю, долго-ль скакалъ; но очнувшись,
Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли, прохладно
Было въ лѣсу, и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.
Взъѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь; я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
Тамъ и оно; разсердившись, скачу на проломъ; но навстрѣчу
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ, и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей, я бросаюсь
Вправо и влѣво, но все не могу попасть на тропинку;
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно — за мной по пятамъ онъ, но смиренъ, и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять на тропинку
Взъѣду — онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ, поневолѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно;
Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за мною

Блѣдно-туманнымъ столбомъ подвигался; когда же случалось
Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
Столбъ — съ головой; что въ меня упирались тускло и зорко
Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала
Всякій разъ голова, какъ будто меня понукая
Ѣхать впередъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ
Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ я,
Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ: —
Рыцарь кончилъ разсказъ свой. — Мы рады тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ. — Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про себя тихомолкомъ смѣяться
Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей: — Ундина!
Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешься? —
Я ужъ знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай
Этотъ сердитый потокъ переплыть — верхомъ иль на лодкѣ,
Какъ угодно — анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ . . . давно я
Знаю, что этого сдѣлать нельзя; и отецъ недалеко
Въ море уходитъ съ лодкой своею. Итакъ, оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ, чему я смѣюся.

Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть, такъ ли то было,
Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними
Вслѣдъ и она. И подлинно все опрокинуто было
Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и долженъ
Былъ по неволѣ онъ ждать, пока въ берега не вольется
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину рядомъ съ Ундиной,
Онъ ей шепнулъ: — что скажешь, Ундиночка? Рада-ль, что съ вами
Я остаюся? — Полно, полно, она проворчала,
Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой несносной Бертальдѣ.

ГЛАВА V

О томъ, какъ рыцарь жилъ у рыбака въ хижинѣ

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру,
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага

Первой, чистой любви, на могилахъ минувшаго
снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты говорилъ,
отдыхая:
Здѣсь живется такъ сладко, здѣсь сердцу будетъ
пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной
думой
Ты обнималъ безыменное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чув-
ствовать рыцарь,
Вдругъ поселившійся въ этомъ предѣлѣ, далеко
отъ свѣта.
Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ
потокъ, свирѣпѣя,
День ото дня расширялся, и островъ все далѣ и
далѣ
Въ море входилъ, разлучаяся съ твердой землею;
казалось,
Міръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря
стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ
простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги житейскія, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугѣ
онъ много
Могъ разсказать про войну и про счастье, не-
счастье земное;
Словомъ, онъ былъ живая лѣтопись; время безъ
скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ
и юношей, полнымъ
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо
изъ жизни
Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога,
вливалась
Въ душу Гульбранда, и въ ней поселяла блажен-
ную ясность.

Бодрый старикъ промышлялъ по-прежнему рыбною ловлей;
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ, къ счастью, нашелся
Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его починивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ: въ запасѣ
Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость Никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость Сильфиды, измѣнчивость струйки...
Словомъ, Ундина была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проницала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя причуды Ундины
Были подъ часъ и докучливой мукой; за то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило

Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала, — потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась; — потомъ проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сѣтью, которою мало по малу опуталось сердце
Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ каждою мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ слилась Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силѣ она и сама покорялась; хотя въ ней
Все осталось по-прежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила — любила безпечно, какъ любитъ
Птичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что въ міръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему не встрѣчаться.
Если-жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ будто
Спрашивалъ: скоро ли въ битву? иль если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза, иль праздно на стѣнкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдвигался

Въ звонкомъ паденьи — дума о славѣ и подвигахъ бранныхъ
Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и, словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ было. И такъ одинъ за другимъ непримѣтно
Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ
Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство: привыкли
Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ, съ полнымъ
Кубкомъ часъ другой проводить въ разговорѣ радушномъ;
Вдругъ не достало вина: запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ
Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ; а Ундина,
Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и дологъ
Былъ тотъ вечеръ, и рано всѣ разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина изъ хижины. — Вы мнѣ
Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши
Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту.
Съ этимъ словомъ захлопнула двери и скрылась. А вечеръ
Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ, и море сердилось.

Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ въ первый
Разъ перепуганы были Ундиной. Но только
Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
Имъ на встрѣчу явилась сама. — За мною! за мною
Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ море:
Бочка, и вѣрно съ виномъ, лежитъ на пескѣ. За Ундиной
Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно
Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатили
Къ хижинѣ: буря сбиралась, сквозь сумерки было
Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя
Головы, дождь вызывая изъ тучъ, — и тучи бѣжали
Шибко и шумно, какъ будто грозяся напасть на идущихъ;
Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли. Ундина
Вдругъ повернула головку, и, пальчикъ поднявши, сердито
Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: — смотри ты,
Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до дома.
Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: — уймися, Ундина, грѣхъ! И, умолкнувъ,
Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако,
За-сухо всѣ добралися до мѣста; но только успѣли
Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое

Было вино въ ней, какъ дождь проливной за-
шумѣлъ, зашатались
Съ скрипомъ деревья, и море дико завыло.
Но бурю
Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками
снова
Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бе-
сѣдѣ
Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда столь
пріятный
Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря,
во время
Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто,
что вспомнивъ,
Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту,
сказалъ онъ:
— Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы
здѣсь на досугѣ
Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся;
а бѣдный
Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ, и,
волнами
Брошенный Богъ-вѣсть куда, лишенъ погребенья.
При этомъ
Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула
кружку
Къ рыцарю. — Пей, не бойся, она прошептала.
Но рыцарь
За руку взялъ старика и воскликнулъ: — я честью
клянуся,
Если-бъ могли мы его отыскать и спасти, то
ночная
Буря помѣхою мнѣ не была бы: съ опасностью
жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣ-
щаюсь,
Если когда возвращуся въ край обитаемый,
вдвое,

Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за прекрасный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался.
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;
Въ немъ успокоилась совѣсть и съ бо́льшимъ вкусомъ онъ до́пилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: — ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить; но бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть . . . вотъ это ужъ глупо
Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда-ль, не правда-ль, ты лучше съ Ундиной
Здѣсь останешься? — Правда, Ундиночка, рыцарь съ улыбкой
Ей отвѣчалъ. — Признайся-жъ, что глупо сказалъ ты: вѣдь каждый
Самъ себѣ ближе; и что до другихъ намъ? . . . Старушка, услышавъ
Это, тяжко вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину: — у турокъ, у нехристей что-ли
Выросла ты, прости мнѣ, Господи? Что за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница? Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошептала:
— Что же такое сказала я имъ? Ужъ и ты не сердитъ ли,
Милый мой рыцарь? Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ

Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.
Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрую четверть часа продолжалося это молчанье.

ГЛАВА VI

О томъ, какъ рыцарь женился

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь, и невольно
Вздрогнули всѣ, какъ будто недоброе что-то почуя:
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и поспѣшно
Рыцарь схватился за мечъ. — Не поможетъ твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь случается съ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я. Но въ эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала сердито:
— Кто тамъ? Если то ваши проказы, духи земные,
Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ порядкомъ проучитъ.
Пуще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.

Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣлъ ужъ Ундину спросить, но тутъ изъ-за двери
Голосъ сказалъ: — я не духъ, человѣкъ, христіанинъ; впустите
Ради Господа Бога меня. При этомъ поспѣшно Ундина
Дверь отперла, и, поднявши ночникъ, во внутренность темной
Ночи стала свѣтить; престарѣлый священникъ стоялъ тамъ:
Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приведенный
Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣдной лачужкѣ
Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ иль дѣломъ бѣсовскимъ
Счелъ и воскликнулъ: — съ нами Господь и Пречистая Дѣва!
— Я не бѣсъ, засмѣявшись, сказала Ундина; не бойся;
Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь добрые люди.
Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился: пріятенъ
Былъ онъ лицомъ, веселая кротость сіяла во взорахъ.
Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распущенныхъ
Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ
Капли; его промочило дождемъ. Въ боковую каморку
Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благодарнымъ

Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ, надѣвъ рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ, и снова
Всѣ за столъ предъ свѣтлымъ каминомъ усѣлись; старушка
Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина
Въ ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнулъ ей шутливое слово; но съ важнымъ
Видомъ она отвѣчала: — онъ Божій служитель; не должно
Этимъ шутить. — Поужинавъ, добрымъ виномъ подкрѣпивши
Силы свои, священникъ разсказывать началъ, какимъ онъ
Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря, вчерашнимъ
Утромъ покинулъ. Я былъ къ епископу нашему въ городъ
Посланъ, сказалъ онъ; хотя и есть по изгибу залива
Путь, но моремъ ближе; и я съ гребцами надежными лодку
Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынче-жъ по утру въ обратный
Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а къ ночи
Буря — и буря, какой мнѣ ни разу видать не случалось;
Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; безпомощно
Были мы преданы морю, котораго волны какъ щепку
Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и несло насъ
Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну чернѣлъ въ отдаленьи

Этотъ берегъ; ужъ были мы близко; но бѣдную лодку
Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ повалилась
Съ страшнымъ шумомъ большая волна; и самъ я не знаю,
Лодку-ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,
Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не дозволилъ
Мнѣ погибнуть . . . я былъ принесенъ невредимо на этотъ
Островъ. — Да, островъ, сказалъ со вздохомъ рыбакъ; но давно ли
Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь, что море
Съ нашимъ потокомъ бурлитъ за одно? — И самъ я подумалъ
Что-то подобное, патеръ сказалъ: когда я тащился
Берегомъ вашимъ въ потьмахъ, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошелъ; но эта тропинка исчезла
Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
Въ вашей хижинѣ свѣтъ, и тотчасъ сюда повернулъ я.
Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да и къ добрымъ
Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за то ужъ отнынѣ,
Кромѣ васъ, никого на землѣ не встрѣчать мнѣ; отнынѣ
Въ этомъ углу весь міръ для меня заключенъ. — Почему же?
Рыцарь спросилъ. — Да кто-жъ, отвѣтствовалъ патеръ, узнаетъ,
Скоро ли кончится эта война безпорядочныхъ стихій;

Я же старъ, и силы мои конечно изсякнутъ
Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный потокъ; да случиться
Можетъ и то, что день ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и вы напослѣдокъ
Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ море, что въ людяхъ
Даже и память объ васъ совсѣмъ пропадетъ; и тѣмъ легче
Можетъ это случиться, что васъ отъ земли заслоняетъ
Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ дикъ и порывистъ,
Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не будетъ возможно
Силы его одолѣть. — Сохрани насъ Господь и помилуй,
Крестъ сотворивши, сказала старушка. — Чего же хозяйка
Такъ испугалась? рыбакъ возразилъ. Не то же ли будетъ
Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья людскія!
Развѣ не все одни мы здѣсь жили? Ни разу во столько
Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего лѣса.
Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты видала?
Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь Богъ послалъ намъ
Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ разлучится
Островъ нашъ съ твердой землею и люди о насъ позабудутъ:
Намъ же прибыль. — Что правда, то правда, сказала старушка;
Только признаться, мнѣ какъ-то страшно подумать, что вѣчно

Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что землѣ навсегда мы чужіе.
То услыша, Ундина прижалася къ рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши глазки,
Полные острыхъ лучей, на него, нараспѣвъ прошептала:
«Ты останешься съ нами, ты останешься съ нами»!
Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ какимъ-то видѣньемъ;
Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ундиной, желаннымъ,
Найденнымъ счастіемъ жизни полный въ душѣ, не разслушалъ
Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, сидѣвшей съ нимъ рядомъ.
Мигъ насталъ роковой: священникъ своими словами
Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ за темный
Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ; а островъ цвѣтущій,
Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжѣй, зеленѣй, все пріютнѣй
Сердцу его становился ,— невѣста, какъ чистая роза,
Тамъ расцвѣла; и къ нимъ какъ будто бы свыше былъ посланъ
Божій священникъ: то явно было не случай. Къ тому же
Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ поглядѣлъ на Ундину
Въ ту минуту, когда, позабывъ о служителѣ церкви,
Такъ беззаботно она къ нему приласкалась. Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ и воскликнулъ:

Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во имя Господне
Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти
Добрые люди. Рыбакъ и старушка весьма изумились.
Правда, имъ часто входило на мысль, что такая развязка
Рано иль поздно случиться должна; но объ этомъ молчали
Даже другъ съ другомъ они; и въ это мгновеніе было
Вовсе нежданнымъ для нихъ предложеніе рыцаря. Долго
Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина-жъ
Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки потупила въ землю.
Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ и старушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка, очистивъ
Наскоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ, отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во время
Оно на свадьбѣ ея зажжены: а рыцарь изъ звеньевъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца, чтобъ съ невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ
Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и невѣстѣ:
Дайте руку другъ другу. — Ундина, какъ будто проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала съ нимъ рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ ихъ духовный

Перекрестилъ; старики-жъ молодую жену и Гульбранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко рыдая. Но въ этотъ
Мигъ священникъ сказалъ: — вы странные люди! не сами-ль
Вы говорили, что этотъ островъ безлюденъ, что кромѣ
Васъ четверыхъ не живетъ никого здѣсь? А я, въ продолженье
Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это окошко, въ широкомъ
Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за дверями
Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ, чтобъ впустили. — Спаси насъ,
Дѣва Пречистая Божія Матерь, сказала старушка;
Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ окошку
Бросился: не было тамъ никого; но что-то въ потемкахъ,
Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелькнуло и скрылось. — Отецъ мой,
Ты ошибся, сказалъ онъ священнику. Всѣ беззаботно
Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по-прежнему сѣли.

ГЛАВА VII

О томъ, что случилось въ свадебный вечеръ

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда;
Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ будто волшебной
Силой какой, что ни было въ ней и причудъ и безпутныхъ

Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось; вдругъ принялася
Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря, не былъ
Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ. Суровымъ
Словомъ хотѣла хозяйка шальную унять, какъ бывало; но рыцарь
Съ значащимъ взглядомъ назвалъ ее *своею женою;*
Та замолчала. И самъ онъ однако такимъ поведеньемъ
Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки,
Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду
Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, рученкой
Милой своею трепала его по щекѣ и шептала
На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но снова
Съ первой взбалмошной мыслію то-жъ начиналось и пуще,
Нежели прежде. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: — Ундина,
Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту приличнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ, какъ съ душою
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать христіански
Душу. — Душу? смѣясь закричала Ундина. Такое
Слово пріятно звучитъ; но много ли въ этомъ пріятномъ
Звукѣ смысла? А если кому души не досталось,
Что тому дѣлать? Еще сама я не знаю, была ли,

Есть ли душа у меня? — Оскорбленный глубоко, священникъ,
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина
Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: — послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобнымъ,
Робкимъ созданьемъ, такъ строгъ; напротивъ того, съ снисхожденьемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать искреннимъ сердцемъ.
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли:
Что творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ
Слезы обтерла она, и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши руки, сказала: — отецъ мой, не правда-ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше-ль, скажи мнѣ, не лучше-ль
Вѣчно пробыть безъ души? . . . Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ будто дичася ея; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: — великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожиданьи

Грусть и тоска терзаютъ меня; а до нынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно. Она опять зарыдала,
Скрыла въ ладони лицо, и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлые кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ ней священникъ; — Ундина, сказалъ онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: исповѣдай
Душу свою передъ нами, и, если таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ. Тихимъ, покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣни, и, руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и, имя
Божіе славя, твердила, что не было зла никакого
Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратяся къ Гульбранду:
— Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ
Самъ сочеталъ васъ; душою она безпорочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте. Сказавъ, новобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ; за нимъ рыбакъ и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина

Все еще на колѣняхъ стояла въ молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку лицомъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало по малу, какъ будто
Въ чувство входя, головку свою подняла, и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила:
— Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошептала
Робко она, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата?
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII

О томъ, что случилось на другой день свадьбы

Свѣжій утренній лучъ разбудилъ новобрачныхъ; блаженствомъ
Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глубокой
Думѣ молчалъ про себя: всю ночь онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все снилось ему, что хотѣли

Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?
Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны? . . . Но было все тихо,
Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она и сквозь сонъ, какъ журчанье,
Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-раскрывшимся губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но въ другой разъ
Тотъ же сонъ! наконецъ, засіяла заря и проснулися оба.
Сонъ разсказавши, рыцарь просилъ, чтобъ Ундина простила
Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
Съ грустью она ему подала, и ни слова; но сладкій,
Полный глубокой любовію взглядъ, какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ, безотвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ, и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча, на лицахъ ихъ видно
Было, что тяжко тревожило ихъ ожиданье развязки;
Видно было, что внутренно Бога священникъ молилъ: да поможетъ

Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро явился
Съ яснымъ лицомъ новобрачный, то вмигъ и у нихъ просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ небу
Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ и Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней навстрѣчу, но стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незнакома
Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Священникъ
Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась
Въ землю, и стала прощенья просить въ словахъ безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ примолвила: — добрый
Другъ, помолись о спасеньи моей души многогрѣшной.
Вставши, она обняла стариковъ, и то, что сказала
Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде плѣняло
Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслухъ и ее называли небеснымъ
Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же

Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ осталась Ундина. Священникъ, любуясь
Ею, воскликнулъ: — радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня, недостойнаго, рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь, помоги вамъ обоимъ!
Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина, взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
Дернъ сквозь чащу деревъ, за которыми тихо горѣло
Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листахъ; но казалось
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за собою
Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта
Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.

Такъ подошли напослѣдокъ они къ лѣсному потоку . . .
Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался:
Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. Онъ исчезнетъ
Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захочешь. —
Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ. — Это
Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.
Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый
Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и .самой мнѣ сквозь волны
Было-бъ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстáться,
То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
Здѣсь у тебя на груди. И растроганъ, встревоженъ,
Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ онъ

Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься
съ ней рядомъ.
— Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты
садися,
Милый, сказала она: хочу я прежде, чѣмъ
словомъ
Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ не-
притворныхъ
Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай.
Ты долженъ
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ
созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго
свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ сала-
мандры,
Чудныя, рѣзвыя, легкія! въ нѣдрахъ земли,
неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно жи-
вется
Тамъ, подъ звонко-кристальными сводами; небо
и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда
проницаютъ,
Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ, пур-
пуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гу-
ляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песчанымъ коврамъ, узорами раковинъ
пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ
минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебрянныхъ водъ
покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ; влага
съ любовью

Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцомъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
Дѣву морскую, — когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ, — повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину. — Гульбрандъ содрогнулся:
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо разсказчицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
— Видомъ наружнымъ мы то же, что люди, быть можетъ и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми; покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ; изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили: въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше

Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда-жъ умираемъ,
В ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ:
Веселы мы, и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Все однако стремится возвыситься: такъ и отецъ мой,
Сильный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе
(Всѣхъ, одаренныхъ душою, удѣлъ) меня не минуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый, отнынѣ
Я съ душою навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ-жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Что будетъ
Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ — онъ мой дядя; издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь, какъ пустынникъ,

Розно съ родней и друзьями проводить. Онъ силенъ и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ. Принесъ онъ
Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззаботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую
Душу прiявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою.
Далѣ она говорить не могла; пораженный, плѣненный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ и вынесъ
На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ повторилъ онъ обѣтъ свой;
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлить все земное.
Въ сладкомъ согласiи, за руки взявшись, медлительнымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ
Благо святое души, перестала жалѣть о прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго чудного царства.

ГЛАВА IX

О томъ, какъ рыцарь и его молодая жена оставили хижину

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, происшедшее съ нимъ въ послѣднее время,

Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;
Сѣвши къ нему на постель, сказала она: — я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье?
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова
Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ, и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по-прежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь. — Съ какимъ-то
Страннымъ чувствомъ, похожимъ на робость, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему, и, любуясь съ ней вмѣстѣ
Зеленью берега, такъ благовонно, свѣжо и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: — для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужъ вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ.
— Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины,
Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ

Мнится еще, что смиренье мое ненадежнѣй покоя
Водъ: и меня легко позабудутъ они какъ весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ навѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду-ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобы имъ моя не открылася тайна?
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмигъ собралися въ дорогу:
Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ идти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялись, разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту
Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую робкую всадницу, справа
Стараго патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей

Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина-жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шопотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ,
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лицо закрывалось какимъ-то
Страннымъ, широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и станъ обвивали: и онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни идти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: — ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце

Прыгаетъ . . . — Вы человѣкъ замѣчательный,
молвилъ священникъ;
Я бы желалъ покороче узнать васъ. — А ты кто?
когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на разспросы, сказалъ
незнакомецъ. —
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской пу-
стыни. — Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обы-
ватель;
Имя мнѣ — Струй; ремесла не имѣю; воленъ,
какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ.
Однако
Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой краса-
вицѣ. Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ вы-
росъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: — поди
поскорѣе
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь. — О! о! да
какая-жъ
Замужемъ стала она спѣсивая! съ нами, роднею,
Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ, по-
жалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ
подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла?
— Оставь насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ
мой дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою
роднею. —
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, иначе
едва ли

Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прянулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея и на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ. — Ундина и рыцарь при этомъ
Словѣ взглянули на патера: шелъ онъ, какъ будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
— Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлеснулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: — я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ близко; и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ, и какъ будто

Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо
внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: — ты смѣлый ры-
царь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ;
не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, моло-
дую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну . . .
И волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ
брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ, и вышли въ поле они: тамъ
имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходя-
щаго солнца.

Оглавленіе.

Баллады

Идилліи

Повѣсти въ стихахъ

